

ВАСИЛИЙ ГОРЬ

ИГРУШКА
ДВУМЯКОГО

Нелюдь

Василий Горь

Игрушка Двуликого

«ЭКСМО»

2014

Горь В.

Игрушка Двуликого / В. Горь — «Эксмо», 2014 — (Нелюдь)

ISBN 978-5-699-69758-8

Ожидание Бельварда из Увераша закончилось. Леди Мэйнария, баронесса д'Атерн и ее возлюбленный Кром Меченый, названный Бездушным, прибыли в Шаргайл. Кроме того, выяснилось, что Бездушный тяжело ранен и не скоро сможет покинуть сарти, что по-хейсарски означает «дом-крепость». Такой шанс поквитаться с давним врагом выпадает только раз. Но Бельварду незачем спешить. Сарти, расположенный в центре города, не возьмешь штурмом. К тому же после недавних событий въезд для не-хейсаров в Шаргайл строго запрещен. И хотя в длительной вражде побеждает тот, кто умеет ждать, Кром Меченый не из тех, кого можно взять на измор...

ISBN 978-5-699-69758-8

© Горь В., 2014

© Эксмо, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	10
Глава 3	13
Глава 4	18
Глава 5	24
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Глава 9	44
Глава 10	49
Конец ознакомительного фрагмента.	51

Василий Горь

Игрушка Двуликого

Глава 1

Бельвард из Увераша

Четвертый день второй десятины второго травника

...Черноволосая хохотушка по имени то ли Шейра, то ли Шейла, купленная в «Рваном бредне» вместе с двухведерным бурдюком скарского¹, не закрывала рот ни на мгновение: воспоминания о ее похождениях сменялись историями из жизни ее многочисленных подружек, и практически каждая заставляла Бельварда либо улыбаться, либо ржать во весь голос. Видимо, поэтому, увидев, что Слизень сворачивает в чем-то знакомый переулок, он не сразу сообразил, что они уже добрались, и некоторое время оглядывался по сторонам, пытаясь понять, где именно оказался. Впрочем, услышав надсадный кашель соседа и увидев его сгорбленную спину, мелькнувшую в щели покосившегося плетня, он радостно ухмыльнулся и решительно вошел в предупредительно распахнутую Серым калитку.

Подниматься по неосвещенной лестнице, держась за Шейру и пытаясь ущипнуть ее за задницу, было весело – под руки попадало то бедро, то икры, то талия. Поэтому первое, что он сделал, вломившись в гостиную, – это притиснул девку к стене и запустил руку ей под юбки.

Роза² захихикала, услужливо развела колени и хрипло поинтересовалась, не нальет ли он ей сначала глоток-другой вина.

Идея показалась здоровой – Бельвард, ненадолго оставив в покое женские прелести, повернулся к покачивающемуся вправо-влево столу, нашел глазами свой кубок и рявкнул на всю Ремесленную слободу:

– Н-наливай!!!

Слизень, непонятно как возникший из ниоткуда прямо в центре комнаты, снял с плеча бурдюк, повозился с завязками, а через мгновение вдруг оказался стоящим перед Бельвардом с двумя полными кубками в руках.

Такая услужливость требовала вознаграждения, поэтому юноша, как раз вцепившийся в плечо Шейлы, чтобы не упасть, сорвал с пояса кошель, нащупал в нем первую попавшуюся монету и кинул ее Серому:

– Де... держи, зас-служил!

Слизень расплылся в алчной улыбке, очень пылко поблагодарил и, кажется, помог повесить кошель на место, так как в следующий момент левая рука Бельварда оказалась на талии розы, а правая – в вырезе ее платья.

Шейра не протестовала. Наоборот, почувствовав, что шнуровка режет ему запястье, она свела плечики и изящным движением трепетных пальчиков опустила платье почти до пояса!

– И ты зас-служила... – облизнув враз пересохшие губы, выдохнул Бельвард и потянулся к дерзко торчащим соскам.

Девушка хихикнула, рванула за какую-то ленточку – и платье, зашуршав, вдруг упало к ее ногам:

– А так?!

– О-о-о... – восхищенно протянул юноша, оглядывая точеную фигурку розы. – О-о-о!!!

¹ Скарское – дешевое вино.

² Роза – местное название женщины легкого поведения.

– Ваш-мл-сть, вы брали ее, чтобы она вас веселила! – зачем-то напомнил Слизень. – То есть смешила и отвлекала от грустных мыслей...

– А я че делаю, дурень? – удивилась Шейла и, чтобы придать своим словам больший вес, повела плечами, от чего ее груди забавно заколыхались.

Бельвард хихикнул, поймал одну из них и деловито кивнул:

– О-отвлекает... П-причем ни-иплохо!

Хохотушка показала Серому язык, танцующей походкой прошла к столу, сдвинула в сторону все, что на нем стояло, уселась на столешницу и бесстыже развела колени:

– Вот она я, ваш-мл-сть!

То, что она – «вот», Бельвард не столько увидел, сколько ощутил. Через миг, когда оказался стоящим вплотную к розе, а его правая рука, скользнув по молочно-белому бедру, ткнулась в теплый и мягкий живот.

– Какой вы сильный!!! – восхищенно выдохнула Шейра. – И высоченный!!!

– Ваша милость, там ва... – донеслось откуда-то издалека. – ...мается!!!

Панические нотки, прозвучавшие в голосе Слизня, внезапно вывели юношу из себя:

– Выйди вон... Ты мне ме-мешаешь...

– Правильно! – хихикнула роза и, обвив руками шею Бельварда, прогнулась в пояснице.

Намек был понятен, но ноги почему-то не держали, и Бельвард, кое-как подтянув к себе табурет, сел и уткнулся носом в ее грудь.

– Ваша милость!!! – очередной раз взвыл Серый. – Вы что, не поняли? Там ва...

– Заткнись!!! – раздраженно рявкнул юноша, с наслаждением вдохнул терпкий запах пота сидящей перед ним женщины и застонал от предвкушения.

– Это... это что за коряга, Слизень?! А?!!!

– Ваша светлость, это... это... Его милость нанял ее, чтобы она его смешила!

Униженный лепет Серого, отвлекающий от ощупывания ягодиц, заставил Бельварда разозлиться – он недовольно нахмурил брови и, не поворачиваясь к двери, повелительно махнул рукой:

– Все – вон! Живо!! А то запорю!!!

В комнате тут же стало тихо. А через мгновение эту тишину разорвал хлесткий, как удар бича, рык:

– Бер?!

В то же мгновение что-то передавило горло, мешая дышать; угодливо прогибающееся в пояснице женское тело провалилось куда-то вниз, и Бельвард с изумлением понял, что висит в воздухе, не касаясь ногами пола!

Захрипел. Попытался вцепиться в ворот камзола и, оцарапав ногтями собственную шею, мысленно взвыл от ужаса – просунуть пальцы между воротником и собственным горлом оказалось невозможно! Рванулся, чтобы оттолкнуться ногами от стола, – безуспешно! Сообразил, что можно вцепиться в руку того, кто его держит, и подтянуться, но не смог: стоило его пальцам дотронуться до твердого, как камень, предплечья, как захват на шее ослаб, и Бельвард полетел вниз...

...Падение продолжалось целую вечность. Потом пол больно ударил в стопы, закачался, как палуба корабля в шторм, и замер. Кажется, одновременно с болезненным толчком в спину. Или сразу после него.

Обрадованный своим спасением, Бельвард облегченно перевел дух и икнул. То ли от радости, то ли из-за пережитого страха.

– Ты пьян!!! – возмущенно воскликнул женский голос. Кажется, принадлежащий не розе. Отрицать очевидное было глупо, поэтому юноша утвердительно кивнул:

– Угу... Не-немного...

– Слизень?!

- Да, ваша светлость?
- Ведро воды! Живо!!!
- Уже бегу...

...Бегал Серый быстро. Даже очень – Бельвард не успел сообразить, зачем ему вода, если есть вино, как на голову обрушился ледяной водопад.

Первые пару мгновений после этого юноша не мог ни дышать, ни говорить – горло перехватило словно удавкой, а заколотившееся сердце чуть было не выломало грудную клетку, но потом очухался и заорал на весь дом:

- Сгною!!!
- Бер?!

Чудовищный удар, пришедшийся в затылок, бросил Бельварда на пол, в безобразную лужу, растекающуюся по грязным половицам. И вернул ему способность соображать:

- Маменька?!
- Встань! – вместо ответа рявкнула леди Марзия. – Ну!!!

...Как ни странно, по поводу того, что он напился как свинья, маменька не сказала почти ничего – понюхала полупустой кубок, едва заметно поморщилась и посоветовала не жалеть деньги и покупать что-нибудь подороже. Приблизительно так же она среагировала и на царящий в комнате беспорядок – презрительно фыркнула и поинтересовалась, морили ли они тут хоть раз насекомых. А вот состояние одежды Бельварда и то ли Шейру, то ли Шейлу проигнорировать не захотела.

Первый разнос – из-за одежды – длился всего минуты две. Но за это время маменька успела ткнуть его носом в каждое грязное пятно, потертость или дырку на одежде и обуви, прошлась по неровным строчкам и мятым кружевам, заставила оценить состояние воротника камзола и обшлагов рукавов. Ну, и в завершение всего, распустив шнуровку, вытащила на свет краешек несвежей нижней рубашки, принялась и понимающе кивнула в сторону розы:

- Теперь я понимаю, почему ты выбрал именно ее: все остальные тобой побрезговали...

Красный от стыда, Бельвард кинул взгляд на Шейру и онемел – женщина, успевшая сползти со стола, выглядела, как оживший скелет!!!

Увидев ужас в его глазах, маменька не успокоилась – подошла к розе почти вплотную, брезгливо ткнула рукой, затянутой в белоснежную перчатку, до одного из все еще торчащих сосков и желчно поинтересовалась:

- С каких это пор тебе нравятся старые и больные клячи?

Юноша непонимающе нахмурился. Зря: маменька, почему-то решив, что сдвинутые брови – это признак недовольства, вышла из себя и, не стесняясь в выражениях, крайне подробно объяснила, почему стоящее перед ней создание нельзя считать женщиной.

В принципе, теперь, на трезвую голову, Бельвард и сам мог назвать причин пять-шесть – не самый юный возраст, нездоровый цвет лица, болезненная худоба, искривленный позвоночник, безобразные ноги и оспины. Но оказалось, что маменька видит не «пять-шесть причин», а чуть ли не сотню! Большинство из которых касалось не столько красоты, сколько здоровья.

Например, бесцветные, «редкие, как у плешивой собаки» и слишком ломкие волосы на пару со слящущимися ногтями указывали на то, что их хозяйка, скорее всего, страдает от болезни почек, выпуклые, блестящие, чуть желтоватые глаза говорили о проблемах с печенью и атрамом³, а прыщи на лице – о проблемах с желудком и запорах. Кстати, описывая «прелести» трясущейся как осиновый лист розы, маменька расчетливо вызвала в Бельварде чувство омерзения. Причем не только к Шейре, но и к самому себе. Именно поэтому она заставила его внимательно рассмотреть ее маленькую, но до ужаса дряблую и обвисшую грудь, ткнула пальцем чуть ли не в каждую бородавку, в каждое грязно-коричневое пятно на животе и ногах.

³ Атрам – местное название щитовидной железы.

Потом показала расчесанные до крови укусы на ее голове, спросила, не искал ли он там какую-нибудь живность, и рассказала о причинах, из-за которых у продажных женщин начинается «вот так» шелушиться кожа. Ну, и в самом конце осмотра попросила Бера открыть Шейре рот.

Один взгляд на обломанные черные пеньки, окруженные воспаленными деснами, – и Бельварда, живо представившего себе поцелуй в губы, вывернуло наизнанку. Слава Вседержителю... и Беру, вовремя развернувшему и подтолкнувшему его к окну, не на платье маменьки, а на улицу.

Видимо, леди Марзия дожидалась именно этой реакции, так как после того, как Бельвард привел себя в порядок и виновато посмотрел на нее, она демонстративно приподняла юбки и насмешливо поинтересовалась:

– Так что, оставить вас наедине?

– Н-нет! Я был пьян и ничего не соображал!!!

– Что ж, надеюсь, это станет тебе хорошим уроком...

– Станет, маменька! Спасибо!

– Одним «спасибом» не отделаешься... – ухмыльнулась леди Марзия, потом посерьезнела, не оглядываясь на Мельена, шевельнула пальцами, дождалась, пока тот выставит из комнаты и Слизня, и слегка испуганную розу, а потом поинтересовалась, достаточно ли Бельвард протрезвел, чтобы начать соображать.

Туман, путавший мысли и чувства, стал намного реже. Кроме того, начала побаливать голова. Но признаваться в этом было равносильно самоубийству, поэтому Бельвард утвердительно кивнул. И удостоился снисходительной улыбки:

– Что ж, тогда можешь радоваться – твое ожидание закончилось: баронесса Мэйнария и ее Бездушный находятся в Шаргайле!

– Вы уверены? – чуть не завопив от счастья, спросил юноша.

– Более чем! Могу сказать больше – они в сарти⁴ рода Аттарк. И будут там еще некоторое время...

– Я выезжаю! Прямо сейчас!!! – воскликнул Бельвард и, заметив, что его кошель почему-то лежит на столешнице, торопливо повесил его на пояс.

– Спешить смысла нет... – хмуро бросила леди Марзия. – Бездушный тяжело ранен и вставать не в состоянии, значит, в ближайшее время из дому не выйдет. А сарти, стоящий в центре города, штурмом не возьмешь...

«И не в центре – тоже... – мрачно подумал юноша. – При первом же ударе тревожного колокола к атакуемому дому соберется все население Шаргайла. А это не сто-двести человек⁵, а несколько тысяч!»

Увы, маменька этого не понимала, так как поморщилась и принялась раздраженно вертеть на пальце родовое кольцо:

– Что самое отвратительное, после недавнего похищения жены Ваги Крыла Бури въезд не-хейсаров в Шаргайл строго-настрога запрещен! Кстати, я отказываюсь понимать, как можно запретить въезд в город, лежащий в горах. Ведь там десятки троп, как обычных, так и звериных, ущелья, перевалы, пещеры...

Собравшись с духом, Бельвард робко попробовал объяснить, чем отличаются горы от леса, и, как ни странно, преуспел – выслушав его объяснения, маменька благосклонно кивнула и даже потрепала его по волосам:

– А если заплатить Серым? Неужели они не провезут человека-другого в какой-нибудь повозке с двойным дном?

⁴ Сарти – дом-крепость (*хейсарск.*).

⁵ На Горготе считают только тех, кто в состоянии держать в руке меч. Таким образом, предложение надо читать так: «... не сто-двести воинов».

– Простите, маменька, но в Шаргайле Серых не было и нет... – всеми силами демонстрируя почтение, еле слышно выдохнул Бельвард.

– Как это?

– Его милость прав... – подал голос Бер. – Их там давят, как крыс. Вот они и не заводятся...

Видимо, слышать о городе, в котором нет Пепельного братства, леди Марзии еще не приходилось – она недоверчиво прищурилась и посмотрела на дверь, за которой скрылся Слизень. Но звать не стала – махнула рукой и принялась задумчиво наматывать локоны на указательный палец.

Чем чреваты попытки помешать маменьке думать, Бельвард знал, как никто другой, поэтому застыл в неподвижности. И стоял так минуты две, пока на ее губах не заиграла кривая улыбка:

– Получается, что брать их надо за пределами Шаргайла. Так?

– Да, маменька!

– В Шарвар⁶ они не пойдут – во-первых, слишком далеко от Тиррена, а во-вторых, там нет и не может быть никаких гарантий личной их безопасности. Значит, имеет смысл расставить людей на дорогах и тропах, ведущих в Вейнар и Скар. И, естественно, предупредить Серых, дабы они искали не по всему Горготу, а на подступах к Шаргайлу...

Бельвард кивнул – все, что говорила маменька, было понятно и так.

– Тебе понадобятся деньги... – леди Марзия шевельнула пальцами, и Бер, до этого подпиравший стену рядом с входной дверью, скользнул к столу и положил на него совсем небольшой кошель. – Тут драгоценные камни. На тысячу желтков. Думаю, этого тебе хватит...

– Должно...

– Только не вздумай экономить! Нанимай лучших – тех, кто знает, с какой стороны братья за меч и умеет держать язык за зубами...

– ...и от кого ты сможешь избавиться... – в унисон ей добавил Мельен.

– Именно! – злобно оскалилась маменька. – Найми пару пятерок⁷ для особого дела и проследи, чтобы после того, как ты возьмешь кровь за кровь и отправишь эту тварь д'Атерн ко мне, они разобрались с теми, кто слишком много знает...

– Хорошо. Сделаю так, как вы сказали... – склонил голову Бельвард.

– И еще: если к тебе вдруг обратится некий Орман по прозвищу Кот, то сделай все, что он попросит...

⁶ Шарвар – дословно «Загорье», северная часть Шаргайла, жителей которой хейсары считают «младшей кровью». Впрочем, это не мешает с ними воевать.

⁷ Пятерка – боевая группа Серых, обычно используемая для решения силовых вопросов.

Глава 2

Брат Ансельм, глава Ордена Вседержителя

Пятый день второй десятины второго травника

...На лбу и крыльях носа брата Рона, скользнувшего в кабинет, поблескивали капельки пота, волосы слиплись и приклеились ко лбу, а сутана выглядела так, как будто на нее вылили ведро воды.

«Бежал. Наверное, с голубятни...» – мысленно отметил Ансельм и подобрался – чтобы бегать в такую жару, надо было иметь очень серьезные основания.

Так оно, собственно, и оказалось – переведя дух и поздоровавшись, Рон подошел к столу и с поклоном положил на него скомканный кусочек пергамента:

– Письмо из Каравата⁸, ваше преподобие!

Вчитываться в слишком мелкий и на редкость неразборчивый почерк лазутчика не было ни времени, ни сил, ни желания, поэтому глава Ордена Вседержителя поморщился и неопределенно повел рукой.

Объяснять смысл этого жеста не пришлось – иерарх вытянулся в струнку, еле заметно вздохнул и несколькими рублеными фразами пересказал содержание письма:

– Жене Ваги Крыла Бури отравить Латирдана не удалось – она погибла еще до «побега». Скорее всего, во время захвата хейсарами «Королевской Охоты». Юлай Подсвечник и Негзар Мышь схвачены, допрошены и посажены на кол. Брат Годрим успел принять яд и умереть...

– И почему это я не удивлен? – с сарказмом поинтересовался Ансельм, потом осторожно встал из-за стола, подошел к окну и уставился на площадку перед исповедальней, на которой толклись ожидающие своей очереди монахи.

«Как хорошо быть простым братом-клинком... – мелькнуло в голове. – Ни покушений, ни интриг, ни ответственности – только служба, тренировки да сон. Вот о чем они сейчас думают? О скором ужине? О всенощном бдении? О жаре?»

Ответ пришел сам собой. И почему-то совсем не порадовал: большая часть братьев наверняка думала не о будущей исповеди, а о том, как подсидеть товарища, стать десятником или получить возможность пробиться в ряды тех, кто пойдет учиться на надзирателя. А меньшая, самая изворотливая, размышляла о том, как обратить на себя внимание кого-нибудь из иерархов и сделать первый шаг к вершинам власти.

«Нет чтобы жить в тишине и спокойствии?» – хмуро подумал он, усилием воли отогнал мысли о том, что когда-то думал о том же самом, и повернулся к Рону:

– Ты уверен в том, что брат Годрим погиб?

– Нет, ваше преподобие, не уверен... – угрюмо буркнул иерарх. – Лазутчик из Каравата пересказывает слухи...

– То есть Годрима могли взять и расколоть?

– Могли... – кивнул брат Рон. – Но, честно говоря, я в это не верю: чтобы задавать правильные вопросы, надо представлять, о чем спрашивать, а о способностях братьев-надзирающих Неддар не знает и знать не может!

– Пожалуй, ты прав... – с трудом сдерживая желание почесать раздуевшуюся рану на ягодице, буркнул Ансельм. – Чем дольше они не будут знать, о чем спрашивать, тем лучше!

– Сделаю все, что смогу... – приняв пожелание как руководство к действию, воскликнул иерарх. И вернулся к обсуждаемой теме: – Одно плохо: после допроса Юлая Подсвечника в

⁸ Карават – городок на границе Шаргайла.

Шаргайле не осталось ни одного брата во Свете. И не только братьев – хейсары нашли и вырезали всех, кто имел хоть какое-то отношение к Ордену...

– Значит, в ближайшее время мы будем вынуждены верить слухам... – поморщился Ансельм и ткнул пальцем в лежащее на столе письмо: – Как видишь, уже начали...

– Ну, слухи всегда можно проверить! Скажем, я уверен, что Латирдан жив и здоров – по сообщениям из Аверона, во дворце уже начали готовиться к его возвращению...

– М-да...

– Кстати, ваше преподобие, вам не кажется, что Неддару вороват Боги? – негромко спросил брат Рон. – Схрон в «Охоте», который обнаружили его люди, делали белогорцы. И до сего дня я был уверен, что найти его невозможно!

– Чушь! – раздраженно воскликнул Ансельм. – Найти можно все, что угодно, – было бы желание и возможности! А что касается Латирдана – если бы ему ворожили Боги, то нам бы не удалось убрать его отца и устранить его первого министра...

– Ну да, пожалуй, вы правы, ваше преподобие...

– Не «пожалуй», а прав! Кстати, я бы на твоём месте вспомнил слова Игенора Мудрого: «Путь к Власти – это игра, в которой бывают и победы, и поражения. Тому, кто страшится последних, этот Путь не по зубам...»

Брат Рон задумчиво свел брови к переносице и зашевелил губами, проговаривая цитату про себя.

– Ты что, не читал трактат «О Власти и обо всем, что ждет на пути к ней»? – удивленно спросил Ансельм.

– Н-нет...

«Может, поэтому-то ты мне и верен...» – хмуро подумал глава Ордена Вседержителя и, сильно пожалев, что озвучил название труда, способного навести Рона на ненужные мысли, криво усмехнулся: – Ладно, Двуликий с ним, с Шаргайлом! Давай решим, что нам делать дальше...

...В возможность устранения Неддара Латирдана руками его собственного повара Ансельм верил слабо – да, тому удалось отравить графа Грасса и не привлечь к себе внимания. Но это еще ни о чем не говорило – тех, кто кормил первого министра, не контролировал никто, а над головой поваров, готовящих для короля, неотлучно стояли люди Арзая Белой Смерти; то, что ставилось на стол Грассу, ел только он сам, а еду Неддара обязательно пробовали специально обученные слуги; первое отравление Черным Льдом могли принять за удар, а второе – уже нет. Поэтому, дав Рону кое-какие указания по поводу того, что и как должен сделать повар, глава Ордена Вседержителя сосредоточился на задумке, которую обдумывал уже целую десятину:

– Значит, так: завтра утром ты отправишься в Парамскую Обитель...

– Проверять готовность метателей и их услуги? – понимающе кивнул иерарх, наткнулся на гневный взгляд Ансельма и побледнел: – Простите, что перебил, ваше преподобие!!!

– Два десятка повторений «Смирения» и три – «Покаяния»! После того, как мы закончим, и... в присутствии брата Бенора!

– Как прикажете, ваше преподобие... – смиренно склонив голову, выдохнул брат Рон и затих.

– О чем я говорил? – жалея, что не может видеть глаза иерарха, рыкнул Ансельм, вернулся к столу и осторожно сел.

– О том, что завтра я отправлюсь в Парамскую Обитель...

– Да! Так вот, твоя задача – как можно быстрее отобрать шесть самых подготовленных десятков⁹ и проконтролировать, чтобы они были в состоянии собирать и разбирать свои мета-

⁹ Здесь: расчет метателя.

тели на скорость и с завязанными глазами, а также назначить человека, ответственного за их уничтожение!

– Э-э-э... простите, не понял?

– Мне надо, чтобы в случае малейшей опасности захвата метатели могли сгореть, причем быстро и, по возможности, бесследно. Если не назначить ответственного, то в бою каждый из obsługi будет заниматься тем, что считает более важным, и тем самым подставит под удар наши планы, а в дальнейшем еще и лишит нас небольшого технического преимущества...

– Логично...

– Да ты что?! – язвительно усмехнулся Ансельм, потом заставил себя успокоиться и продолжил: – После того как ты назначишь этих самых поджигателей, проведи несколько тренировок и убедись, что они знают, куда прикреплять сосуд с «Огнем Веры», и в состоянии вовремя им воспользоваться...

– Хорошо...

– Когда ты решишь, что служба готова, отправь их с хорошей охраной в Бочаги и Туманный Овраг...

– По три в каждую деревню?

– Да...

– В разобранном виде?

– Естественно!!!

Иерарх кивнул, задумчиво поскреб подбородок и неуверенно поинтересовался:

– Может, имеет смысл везти их с купеческими обозами? Если раскидать отдельные части по разным повозкам, то ни один, даже самый дотошный солдат не поймет, что именно мы везем! Опять же, перевозка по большим трактам позволит нам выиграть время...

Его предложение было не лишено смысла, поэтому Ансельм утвердительно кивнул:

– Отправляй с обозами. Только имей в виду, что на месте они должны быть не позже чем к середине второй десятины третьего травника...

– Будут, ваше преподобие! Даже раньше!

– И последнее – пока метатели будут в дороге, займись подчисткой вейнарских следов...

– Простите?

– Мне надо, чтобы Арзай Белая Смерть случайно узнал о том, что граф Ильмар потратил пять тысяч золотых *неизвестно на что!*

– А зачем, ваше преподобие?

– Узнаешь. Когда придет время...

Глава 3

Кром Меченый

Шестой день второй десятины второго травника

...Край кровати больно врезается в ребро вот уже целую вечность. Но я не шевелюсь – любое мое шевеление прервет ее сон и снова бросит в бездну невыносимой боли.

Она спит... Почти два часа... И изредка улыбается во сне. Той самой полузабытой улыбкой, которой нам с Ларкой так не хватает последние лиственя четыре. Хотя нет, нет, не той самой – тогда, в далеком прошлом, когда маму еще не терзала Черная Немочь, ее губы были алыми, словно сок земляники, лицо – круглым и полным жизни, а глаза, синие, как небо в середине травника, лучились ярким светом, как два маленьких, но очень теплых солнышка. Поэтому тогда улыбка получалась совсем другой – доброй, мягкой и такой ласковой, что от ощущения безграничного счастья у меня обрывалось сердце.

Оно обрывается и сейчас. Но уже не от счастья, а от горя: губы мамы давно потеряли цвет и становятся красными только тогда, когда она прокусывает их от нестерпимой боли. Лицо осунулось и похудело, а глаза поблекли и превратились в два черных колодца, в которых безвылазно живут боль и тьма...

...До рези в глазах вглядываюсь в ее лицо и на какое-то время перестаю видеть черные круги под воспаленными глазами, глубокие морщины вокруг рта, между бровей и на лбу, запавшие щеки, капельки пота на крыльях носа и влажные, спутанные волосы. Смотрю – и мысленно благодарю Вседержителя за то, что он, смилостивившись, подарил ей эти два часа забвения.

Благодарю. Истово и долго. А потом забываю о его существовании: едва заметно вздрагивают пальцы, так и лежащие на моей голове, и к моему горлу подкатывает ком: это шевеление лишь только похоже на ласку! И то первое, коротенькое, почти неощутимое прикосновение к волосам, на которое она потратила все имеющиеся силы, тоже было лишь ее тенью. А ведь когда-то она их трепала...

Сжимаю зубы. Изо всех сил. И, стараясь не думать о прошлом, соскальзываю взглядом ниже – сначала на болезненно-тонкую шею, сквозь кожу которой просвечивают синие нити жил, потом – на хрупкие щепочки ключиц, торчащие из-под ночной рубашки, и, наконец, на кисть ее левой руки, лежащую на одеяле. С болью смотрю на вздувшиеся суставы, на безобразные черные пятна, испещрившие когда-то белую кожу, на изломанные, похожие на звериные когти, ногти. И тарачу глаза, чтобы удержать наверху слезы. Но все-таки не удерживаю – обжигающе-горячие капли скатываются сначала по правой, а потом и по левой щеке...

– Плачешь? Почему? – не открывая глаз, внезапно спрашивает мама.

– Я не хочу, чтобы ты уходила... – думаю я. Или говорю?

Видимо, все-таки говорю, так как она грустно вздыхает и едва заметно пожимает плечами:

– Все уходят. Кто-то рано, кто-то поздно. От этого никуда не деться...

– Я не хочу!!!

– Никто не хочет. Только вот Богам наше мнение не указ...

Я вскидываю взгляд к потолку и с ненавистью смотрю сквозь потрескавшиеся доски, пытаюсь углядеть хотя бы тень тех, кто невесть за что получил право решать, кому жить, а кому умереть.

Мама слабо усмехается:

– Злишься? Зря: они подарили нам жизнь и способность радоваться тому, что нас окружает. Увы, немногие из нас действительно ценят эти дары – мы живем либо прошлым, либо будущим, а о тех, кто нам дорог, вспоминаем только тогда, когда становится слишком поздно...

Внезапно понимаю, что она говорит не так, как обычно, – не подбирает слова, не задыхается через слово и не тянет окончания. Встревоженно взглядываюсь в ее глаза, пытаюсь увидеть в них хотя бы намек на то, что ее устами говорят Боги, потом осторожно сжимаю ее руку, лежащую на одеяле, и... просыпаюсь...

Сердце колотилось часто-часто. Так, как будто я присел несколько сотен раз с человеком на плечах. Или взбежал на вершину Ан'гри. Сон не отпускал – перед моими глазами все еще белело изможденное лицо мамы, а в ушах звучали ее последние слова: «...мы живем либо прошлым, либо будущим, а о тех, кто нам дорог, вспоминаем только тогда, когда становится слишком поздно...»

Хотя нет, не звучали – они словно въедались мне в душу. И обостряли чувства, заставляя думать о настоящем.

Как? Да очень просто – в какой-то момент прошлое вдруг ухнуло куда-то далеко-далеко, а я почувствовал Мэй чуть ли не каждой пядью своего тела: ее волосы, щекочущие мое плечо, шею, лежащую на сгибе локтя, ладонку, покоящуюся у меня на груди, локоть, упирающийся в бок. А еще грудь, живот, бедро, голень.

Ощущения были... непривычными: в них был только Свет – радость, нежность, счастье. А вот Тьмы – страха за ее будущее, сомнений в правильности выбранного мною Пути и неуверенности в себе – не было совсем! Поэтому, повернувшись лицом к своей гард'эйт, я, не задумавшись ни на мгновение, легонечко прикоснулся губами к ее губам, дождался, пока она откроет глаза, и еле слышно прошептал:

– Как же здорово, что ты у меня есть...

...Да, страх так и не появился. И ощущения какой-то неправильности – тоже: я ЗНАЛ, что все, что я делаю, – правильно, что Мэй по-настоящему моя и что каждая минута промедления вырывает из оставшегося нам кусочка жизни что-то безумно важное. Поэтому, почти не думая, поцеловал ее в губы. Не прикоснулся, а именно поцеловал – так, как мечтал все время, пока заживали мои раны. И прервал поцелуй только тогда, когда почувствовал, что вот-вот задохнусь.

Отодвинулся. На одно коротенькое мгновение. Перевел дух, увидел ее пьяный от желания взгляд и припал губами к ее груди...

...Ее руки жили своей жизнью – то ласкали мои волосы, шею, плечи и спину подушечками пальцев, то легонечко царапали их же ноготками, то направляли мои губы туда, куда хотелось в этот момент. И эти до безумия чувственные прикосновения сводили меня с ума намного сильнее, чем мое желание.

Впрочем, нет, не так – сводили с ума не прикосновения, а эмоции, которые в это время испытывали мы оба: нежность, желание дарить радость и счастье от ощущения единения душ и тел.

Последнее было настолько сильным, что в какой-то момент я перестал понимать, где заканчиваюсь я и начинается она, и словно растворился в наших общих ощущениях: я чувствовал каждое ее движение, понимал, какие ласки доставляют ей самое сильное удовольствие, знал, чего и когда ей хочется, и отдавал, отдавал, отдавал.

Она делала то же самое – дарила мне тепло, нежность, ласку и себя – от восхитительно-мягких губ и до крошечных пальчиков на ногах. А еще с каждым мгновением все сильнее и сильнее прорастала в мою душу...

...В какой-то момент, почувствовав, что настолько переполнен счастьем, что вот-вот сойду с ума, я открыл глаза и понял, что лежу на спине поперек кровати, положив голову на

живот Мэй, накручиваю на палец левой руки огненно-рыжую прядь и таю от прикосновений ее рук к своим волосам.

У меня тут же перехватило дух от безумного, ни с чем не сравнимого счастья, а с губ сорвался то ли всхлип, то ли стон:

– Мэ-э-эй...

– Я тебя люблю... – ласково прикоснувшись к шраму на моей щеке, выдохнула она. – И буду любить до последнего мига нашей жизни...

Удивительно, но даже в этот момент, подумав об ожидающем нас с ней Темном Посмертии и о жалких шести десятинах, оставшихся до *ухода*, я не почувствовал ни малейшего страха – вспомнил недавний сон и внезапно понял, как именно ДОЛЖНО звучать это предложение:

– И я буду любить тебя каждый миг из тех, которые нам остались...

Мэй оценила – вывернулась из-под меня, передвинулась так, чтобы видеть мои глаза, обняла за шею и утвердительно кивнула:

– Да, именно так: каждый миг. До последнего вздоха...

Потом вдруг обиженно выпятила нижнюю губу и сокрушенно вздохнула:

– Только кто нам даст? Из комнаты придется выходить... Хотя иногда...

... Вопреки моим опасениям, ощущение единения душ никуда не делось даже тогда, когда *сартти* начал просыпаться: стоило мне выбраться из кровати и начать разминаться, как Мэй оказалась рядом. И с явным удовольствием принялась повторять мои движения. Причем чувствовала некоторые ошибки раньше, чем я о них говорил! Чуть позже, когда она, приведя себя в порядок, заплетя магас и одевшись, принялась заваривать себе отвар ясноцвета¹⁰, я стоял с ней рядом и с наслаждением вдыхал терпкий аромат засушенных корешков, понимая, что и зачем она делает!

Правда, для того, чтобы ощущения были острее, требовалось чувствовать ее тело – прикасаться к плечу, спине или бедру, зарываться носом в ее волосы или прижиматься щекой к щеке.

Видимо, она испытывала то же самое, так как, подогрев оставшееся с вечера мясо, уселась ко мне на здоровую ногу. И сообщила, что будет завтракать только так и никак иначе...

... Кормить друг друга, отвлекаясь на ласки и поцелуи, оказалось так здорово, что мы перестали следить за временем и пришли в себя только тогда, когда за дверью раздался визгливый голос гейри¹¹ Килии:

– Я говорю голосом дари¹² Иттиры! К вам можно?

Вскочив с моей ноги, Мэй кинула взгляд на все еще разобранную кровать и... спокойно пошла к двери. Даже не подумав прикрыть простыню, перемазанную кровью!

Я растерянно посмотрел ей вслед, вскочил на ноги, метнулся к одеялу и, скорее почувствовав, чем увидев жест, запрещающий ее прикрывать, послушно вернулся к столу.

Благодарно улыбнувшись, Мэй толкнула от себя створку, учтиво поздоровалась и сделала шаг в сторону, чтобы впустить Иттиру с помощницами внутрь.

Те вошли. Но вместо того, чтобы уставиться на кровать, вытаращились на Мэй!

Первой пришла в себя дари:

– Да минует его неназываемое, ро'иара!¹³

– Да продлятся ваши дни вечно... – с небольшой заминкой подхватила Килия и посмотрела на Мэйнарию с самым настоящим сочувствием!

¹⁰ Отвар ясноцвета – местное противозачаточное средство.

¹¹ Гейри – дарующая жизнь. Хейсарка, посвятившая себя служению Бастарзу. Как правило, лекарка или ее помощница.

¹² Дари – дословно «дарующая надежду». Уважительное обращение к лекарю у хейсаров.

¹³ Ро'иара – дословно «младшая сестра».

Тем временем лекарка раздула ноздри, пристально посмотрела на кровать, по-старчески пошамкала губами, потом подошла ко мне и, не говоря ни слова, взялась за мои запястья.

Несколько мгновений тишины – и она попросила меня присесть.

Я поймал встревоженный взгляд Мэй, ободряюще улыбнулся, но успокоить ее не смог – по ее мнению, присесть мне было еще слишком рано.

Присел. Раз десять. Кожей чувствуя ее страх за меня. Потом снова подставил запястья дари и вдруг понял, что помощницы Иттиры таращились не на лицо Мэйнарии, а на ее лаhti, в которую вместо привычной мне белой ленты оказалась вплетена небесно-голубая!

Увидев, что я уставился на ее магас, Мэй забавно сморщила носик и улыбнулась. Уголками губ. Потом шевельнула пальчиками – мол, объясню потом – и встревоженно уставилась на дари Иттиру, недовольно сдвинувшую брови и наморщившую лоб.

«Что с ним?!» – явственно услышал я ее перепуганную мысль.

– Кон'ори'рат...¹⁴ – словно отвечая ей, проворчала лекарка, медленно развернулась к двери и, словно забыв о моем существовании, в сопровождении помощниц поковыляла к выходу.

Угу, как бы не так – поняв, что она собирается уйти, Мэй метнулась ей наперерез и, поймав старуху за руку, заставила ее остановиться:

– Что такое «кон'ори'рат» и как его лечить?

– Это не лечится... – фыркнула старуха, полюбовалась на стремительно бледнеющее лицо моей Половинки и язвительно усмехнулась: – Раньше надо было беспокоиться: в тот день, когда твой майягарт только начал тренироваться или когда ты предпочла его собственному роду...

– Не поняла?

– Сейчас ему эти приседания – как быку хворостина...

– То есть Кром... – пропустив мимо ушей странную фразу про род, Мэй многообещающе посмотрела на меня, – здоров?!

– Драться на айге'тта¹⁵ ему пока рановато. Но в моих услугах он уже не нуждается...

– Спасибо, дари! – пылко воскликнула баронесса, шагнула в сторону и склонилась перед лекаркой в поясном поклоне: – Да подарит тебе Барс долгие годы жизни...

– Себя благодарю, ури'шта...¹⁶ – насмешливо фыркнула Иттира, дернула Мэй за лаhti, что-то пробормотала себе под нос, шагнула в дверной проем и, не оборачиваясь, добавила: – А еще его ниер'ва¹⁷. За то, что он научил Крома выживать!

Что такое «ниер'ва», я не знал, но догадался. Поэтому прикрыл глаза и мысленно поблагодарил Роланда за науку. А потом вдруг увидел его таким, каким он был в тот день, когда я в первый раз в жизни взял в руки чекан...

...Голова¹⁸ был хмур, как предгрозовое небо: его глаза, гневно сверкающие из-под кустистых бровей, казались раскаленными угольками, сжатые губы выглядели как побелевший от времени шрам, а глубокие складки, прорезавшие лоб, напоминали кору древнего дуба.

– Как? – односложно поинтересовался он, и кряжистого рыжебородого мужчину, стоявшего перед ним, затрясло мелкой дрожью.

– В-вытили... Многовато... А тут – они... Жига... э-э-э... пошутил...

– Назвал их девочками?

– Д-да... Ну и... это... шлепнул... пониже спины... – здоровяк развел руками и тяжело вздохнул: – Э-э-эх...

¹⁴ Кон'ори'рат – дословно «ребенок, мечтающий о славе великого воина». Аналог нашего «несмышлениш».

¹⁵ Айге'тта – «право десницы». Состязание, во время которого выбирается самый сильный воин рода.

¹⁶ Ури'шта – дословно «волчица, охраняющая своих щенков».

¹⁷ Ниер'ва – дословно «дарующий божественную искру». Мастер, способный вложить в ученика дух Бога-Воина.

¹⁸ Голова – начальник отряда охранников.

– Значит, Жига начал первым... – мрачно подытожил Круча. – Следовательно, люди Щепки были в своем праве...

– Они сломали Ведру нос и выбили зубы! И теперь он...

– ...должен радоваться, что отделался малой кровью... – перебил его Роланд. – А вот тебе радоваться не с чего! И знаешь почему? Потому, что ты – недоумок!!!

Здоровяк набычился, недовольно заворчал, сжал кулаки, подался вперед и вдруг оказался на полу. А Голова, казалось, не шевельнувший и пальцем, оскалится в звериной ухмылке:

– Я оставил тебя старшим! Так?!

– Да...

– Значит, ты обязан был проследить, чтобы Щепка сохранял ясную голову!

– Но ведь лист¹⁹ уже закончен!

– Закончен. Но вы пили не в какой-нибудь захудалой таверне где-нибудь на окраине, а в «Мясном пироге» – на постоялом дворе, в котором останавливаются самые состоятельные купцы! Скажи-ка, кто из них захочет нанять людей, которые не умеют пить, настолько глупы, что вязываются в драки с городскими стражниками, и при этом не в состоянии защитить даже самих себя?!

Здоровяк потемнел лицом и виновато вздохнул:

– Никто...

– Вот именно! Получается, что ты лишил нас следующего листа... Твой выбор?

Видимо, в последних двух словах был заключен какой-то скрытый смысл, так как рыжебородый приподнялся на локте и изумленно уставился на Голову:

– Круча, ты чего?

– Твой выбор, Кость!

– Да это же обычна...

– Спрашиваю в последний раз – каким будет твой выбор?!

Здоровяк нехорошо оскалится, поднялся с пола, неторопливо отряхнул испачканную одежду, снял с пояса чекан и швырнул его на ближайший стол:

– Я хочу получить заработанные деньги...

– Получишь... Вечером... – презрительно фыркнул Круча, потом посмотрел на меня и взглядом показал на брошенное оружие: – Бери, первач. Теперь он твой...

– За то, что ты тренировался, когда я отлучалась, получишь... Потом... – скользнув ко мне вплотную, тихонечко шепнула Мэй. – А пока расскажи мне о том, кто научил тебя выживать...

¹⁹ Лист – контракт на сопровождение груза (жарг.).

Глава 4

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Шестой день второй десятины второго травника

То, что Кром думает о своем ниер'ва, я догадалась без всяких слов. И вдруг поняла, что безумно хочу знать все, что можно, о человеке, который делает из мальчишек ТАКИХ мужчин.

Меченый грустно пожал плечами:

– Справедливым, надежным, мудрым...

– А поподробнее?

...Спрашивать, зачем мне это надо, он не стал – почувствовал, что этот вопрос – лишь вершок²⁰, а корешок – мое желание узнать его, Крома, настолько хорошо, насколько это возможно. Поэтому дождался, пока я перестелю постель и лягу, устроился рядом со мной, зарылся носом в мои волосы и заговорил.

Удивительно, но я явственно видела все, что он рассказывает: его первую встречу с Роландом Кручей и первый лист, показавшийся бесконечным. Выматывающие тренировки, начинающиеся еще до рассвета и заканчивающиеся после заката, и ночные бдения в карауле. Первый дождливый жолтень²¹, проведенный на каком-то постоялом дворе неподалеку от границы с Алатом и последовавший за ним бесконечный снежень²², во время которого он умудрился объездить чуть ли не весь Горгот.

Жить его жизнью было жутковато: там, в прошлом, он смотрел на окружающий мир так, как будто не видел в нем ни одной светлой черты – равнодушно заступал в караул, равнодушно сменялся, равнодушно тратил заработанные деньги на оплату тренировок, постой, еду и одежду. Да, именно в таком порядке: в промежутках между листами он находил мастеров, способных научить его хотя бы одному новому движению, и покупал столько занятий, на сколько хватало денег, ночевал там, где останавливался его десяток, ел для того, чтобы выдерживать нагрузки, а вещи покупал только тогда, когда об этом напоминал Голова. Кстати, о том, что тренироваться можно не у одного Мастера Чекана, а у всех, у кого есть знания, ему подсказал именно Круча. И он же оплатил первую такую тренировку:

– ...Собирайся! – в голосе Кручи звенит радость, яркая, как солнце в середине травника. Кром равнодушно оглядывает его с ног до головы и нехотя встает: раз пергамента, в котором отмечаются условия листа, не видать, значит, радость Головы вызвана не заключением нового договора.

– Бери чекан и пошли! – приказывает Роланд и по-дружески тыкает кулаком в плечо.

Кром привычно уворачивается и вопросительно выгибает бровь.

Круча морщится – видимо, еще не привык к тому, что его первач предпочитает молчать. Потом дергает себя за ус и кивает в сторону двери:

– Я договорился с мэтром Орчером, чтобы он на тебя посмотрел. Если ты ему понрависься, то он тебя погоняет десятины три-четыре...

– Зачем? – нехотя спрашивает Меченый.

– Ты – лучший ученик, который у меня когда-либо был... – объясняет Голова. – А мэтр Орчер – один из сильнейших Мастеров Чекана на всем Горготе. И способен дать тебе несравнимо больше меня...

– А лист?

²⁰ Аналог выражения «верхушка айсберга».

²¹ Жолтень – осень.

²² Снежень – зима.

– Пойдешь в следующий. Или через один – тогда, когда Мастер сочтет, что наш с ним договор выполнен...

Кром хмурит брови:

– Это, должно быть, дорого...

– Деньги приходят и уходят... – отмахивается Голова. – А друг, защищающий спину, остается...

Вообще, насколько я поняла, Голова относился к Крому, как к сыну, – учил всему, что знал сам, заставлял привыкать к ответственности и оказывался рядом именно тогда, когда тому требовалась помощь.

...На крыльях носа и лбу стоящего перед Кромом купца – капельки пота. Лицо – багровое, как закатное солнце. На шее – вздувшиеся вены и снующий вверх-вниз кадык. Пальцы правой руки, сжимающие кнутовище, мелко-мелко дрожат, а левая шарит по поясу, раз за разом ощупывая края ремешков, на которых еще недавно болтался кошель.

– Ты проклянешь миг, когда появился на свет! И ту, кто тебя родила...

Кром дергает левый кулак вместе с намотанной на нем косой²³ на себя и вбивает правый в дергающуюся кущую черную бородавку.

Хрустят ломающиеся кости. В глазах купца вспыхивает боль. А через мгновение гаснет. Вместе с сознанием.

– Ты – труп, парень! – шипит дородная баба, стоявшая одесную от чернобородого, тут же набирает в грудь воздуха и начинает верещать на всю рыночную площадь: – Грабят!!! Убивают!!! Стража!!!

Толпа мгновенно раздается в стороны и ошетиливается всем, что попадает под руку.

Меченый равнодушно оглядывается, натывается взглядом на троих широких, будто наковальня, дядек, от которых знакомо пахнет кузней, всматривается в их опаленные огнем лица, разводит руками, чтобы показать, что в них нет никакого кошелька, видит, как они сжимают кулаки, и мысленно усмехается – они верят не ему, а тетке!

Со стороны кожевенных рядов доносится стук сапог и отрывистые вопли «дорогу!» и «разойдись!».

Кром поднимает голову, взглядывается в море людских голов, видит несущихся к нему стражников и криво усмехается – поход за бурдюками определенно удался...

В это время толпа, стоящая ошуюю от него, раздается, и перед ним возникает слегка подвыпивший Роланд:

– Купил?

Меченый отрицательно мотает головой и показывает взглядом на лежащее у его ног тело.

Круча мгновенно трезвеет:

– Ты?

Кром кивает. И снова разводит руками, чтобы показать, что не виноват.

Голова прищуривается, одним взглядом охватывает болтающийся на левой кнут, алую полосу, перечеркнувшую лицо, и поворачивается к продолжающей орать тетке:

– Кто! Посмел! Ударить! Моего! Первача?!

Тетка прерывается на полуслове, непонимающе смотрит сначала на Крома, потом на Кручу и багровеет от возмущения:

– Он срезал у мужа кошель, а потом пытался юркнуть в толпу!!!

– Юркнуть?! Он?! – переспрашивает Роланд и начинает хохотать: – Уа-ха-ха! Юркнуть!! В толпу!!!

– Что тут смешного?! – возмущенно шипит тетка. – Я...

²³ Коса – местное название плетеной части кнута, так называемого «тела».

Тут к хохоту Кручи присоединяется сначала один из кузнецов, затем какой-то пожилой ворон²⁴, а через несколько ударов сердца смеется уже вся площадь.

Смех прерывается только тогда, когда к нам пробиваются городские стражники:

– Что тут происходит? Кого грабят и убивают?! Тихо!!!

– Ограбили – его... – дождавшись, пока толпа уgomонится, веско роняет Роланд и кивает на бездыханное тело. Потом вытаскивает из-за нагрудника кожу²⁵ и показывает ее десятнику: – Перед тем как он начал возводить напраслину на моего первача и ни за что ни про что перетянул его кнутом...

У стражника округляются глаза:

– Достопочтенный Гирил? Что это с ним?

– Получил заслуженное наказание и теперь отдыхает...

В этот момент в разговор вступает тетка:

– Ваш-мл-сть, мы с моим мужем шли по площади, когда вот этот парень, – ее палец показывает на Крома, – срезал с его пояса кошель и пытался юркнуть в толпу. Муж пытался его остановить...

– Если бы мой первач пытался юркнуть в толпу, то удар кнута пришелся бы по спине... – перебивает ее Круча. – А у Крома рубец НА ЛИЦЕ! Кроме того, с его ростом прятаться в толпе несусветная глупость!!! Исходя из этого любой здравомыслящий человек придет к выводу, что, возводя напраслину на этого человека, ваш муж совершил преступление, описанное в Строке шестнадцатой четвертого Слова Права Крови. И тем самым в полной мере заслужил то, что получил.

В глазах десятника мелькает сначала растерянность, а потом злорадство:

– Госпожа Тивирия?

– Д-да?

– Кнут, зажатый в руке этого человека, действительно принадлежит вашему мужу?

– Да! То есть нет!!!

– Не-е-ет? – притворно удивляется стражник. – А почему на кнотовище вырезан трезубец?

– Ну... просто...

– Вы лжете еще и мне?! Что ж, вам придется пройти с нами...

А еще Роланд видел Горгот и живущих в нем людей не так, как большинство. И старался научить этому и своего ученика:

...Кром лежит на телеге, раскинув ноющие руки и ноги, смотрит на мерцающее полотнище Пути²⁶ и тонет в его бесконечной глубине. Мыслей – нет. Вместо них – одна дикая, всепоглощающая усталость.

Где-то на краю сознания – прерывистое дыхание Динты Пера, приказчика их нанимателя, сдуру подставившегося под удар ослота и теперь пребывающего в блаженном небытии. Чуть дальше – если в том состоянии, в котором он находится, есть какие-то расстояния – пофыркивание чующих кровь лошадей, еле слышные перешептывания возниц и рык Кручи, все еще распекающего Нихха Писклю.

Слов не слышно. Да они и не нужны – щит, которому приказали опекать Меченого, отвлекся на одного из лесовиков и оставил его, Крома, без присмотра. Одного – против пары лесовиков, вооруженных рогатинами и ножами.

²⁴ Ворон – в просторечии – сотрудник королевского суда.

²⁵ Кожа – знак принадлежности к гильдии охранников. Представляет собой кусок кожи с нанесенным на нем клеймом гильдии, именем и прозвищем охранника, а также двумя-тремя его приметам. С ростом статуса в гильдии кожа меняется.

²⁶ Путь – россыпь звезд, тянущаяся от одного края горизонта до другого. Почти совпадает с видимой траекторией движения Дейра.

Нет, ничего страшного не произошло – эта парочка, явно взявшая в руки оружие не так давно, больше мешала друг другу, чем атаквала, поэтому Кром выстоял против них столько времени, сколько потребовалось Нихху, чтобы добить своего противника и вернуться. Но Роланд, по своему обыкновению отслеживавший все ошибки и промахи своих первачей, пытается выбить из Пискли дурь.

Губы Меченого кривятся в безумной усмешке – эти двое его даже не задели. А вот жилистый черноволосый дядька с окованной сталью дубинкой, лесовик, намеренно оставленный Роландом в живых, чуть не отправил его в чертоги Темной Половины Двуликого. Впрочем, что удивительного – ведь за победу над Кромом лесовику была обещана свобода!

Заново переживая тот поединок, Кром нервно сжимает рукоять лежащего рядом чекана и вдруг понимает, что его натаскивают, как бойцового пса.

В памяти тут же всплывают слова Кручи, сказанные им перед началом поединка:

– Он – мясо²⁷. Для любого из нас. А для тебя – ступень. Перешагнешь – сделаешь первый шаг к своей цели. Не сумеешь – уйдешь в небытие...

Кром кривится в улыбке, приподнимается на локте, вглядывается в темноту – туда, куда должны были стащить тела незадачливых грабителей, – и вздрагивает от прикосновения широкой, как лопата, ладони:

– Сумел. Молодец. Я тобой горжусь...

Молодцом он себя не чувствует, так как в голове почти безостановочно звенят слова из Изумрудной скрижали: «Тот, кто отворил кровь единожды, подобен скакуну, вступившему на тонкий лед: любое движение, кроме шага назад, – путь в Небытие! Тот, кто отворил кровь дважды и более, воистину проклят: он никогда не найдет пути к Вседержителю...»

Видимо, его молчание достаточно красноречиво, так как Роланд усаживается рядом и негромко хмыкает:

– Переживаешь, что взял его жизнь? Зря! Он сам сделал свой выбор, решив, что ради наживы можно грабить, ссильничать и убивать... Кстати, оттуда, из кустов, видны не только дорога и телеги, но и мы – люди, защищающие чужое добро. Поэтому можешь считать, что он убил себя сам. В тот момент, когда выбежал на опушку с оружием в руках...

Мысль интересная. Даже очень – получается, что вины Крома в смерти лесовика почти нет... Или все-таки есть?

Круча вздыхает, с хрустом сжимает кулаки и продолжает. Так тихо, как будто беседует сам с собой:

– Таких уродов – много. И не только среди лесовиков. Они пользуются силой, для того чтобы забирать себе то, что им не принадлежит – деньги, здоровье, жизни...

– Жизни? – восклицает Меченый и успокаивается. Окончательно и сразу. Так как эта короткая фраза переворачивает его представление о Будущем...

...Жить его жизнью было безумно интересно, но в какой-то момент, почувствовав, что он ответит на любой мой вопрос, я заставила себя остановиться: там, в глубине его памяти, жила боль. И выпускать ее на свободу я не собиралась.

Перевести его внимание на себя удалось без особого труда – стоило мне начать накручивать на палец лахти, как Кром наткнулся взглядом на синюю ленточку и слегка помрачнел:

– Мэй, скажи, пожалуйста, почему Иттира и ее помощницы так странно смотрели на твой магас?

– Помнишь, Тарваз рассказывал нам про то, как Аютэ вошла в род?

Он утвердительно кивнул:

²⁷ Мясо – на жаргоне Серых – жертва.

– Сбежала из своего *сартти*, явилась к нашему и спела Ваге свою Песнь, стоя перед воротами...²⁸

– Ага! Так вот, после того как Крыло Бури согласился взять ее в жены, она жила на женской половине чуть ли не месяц. А его женой стала только в день свадьбы. Это – традиция...

Глаза Меченого потемнели.

– Ты – не хейсарка, поэтому их традиции тебя не касаются!

Я аж задохнулась от счастья – он был готов защищать меня даже от меня самой!

Потерлась щекой о его плечо, запустила руку под его нижнюю рубашку и пристроила ладонь на твердом, как доска, животе. Потом закрыла глаза и попробовала себя в роли хейсарского тэнтто²⁹:

– Во времена, когда в Земляничном ущелье еще били горячие ключи, а у Угети'ва было три вершины, а не две, у Кетила Сломанного Ножа, одного из лучших воинов рода Оноирэ, родилась девочка с волосами цвета пепла...

...Легенда, рассказанная мне Ситой, была красивой и очень романтичной. Поэтому я ушла в нее с головой и представила, как это было:

...*Счастливый отец, которому до этого жена дарила одних сыновей, назвал дочь Биарой³⁰ и подарил Барсу три раза по десять белоснежных баранов. Дары, которым могли позавидовать аннары сильнейших родов, потрясли не только Шаргайл, но и Бога-Воина. Причем настолько, что он не только вдохнул в девочку несгибаемый характер и одарил ее ослепительной красотой, но и уговорил свою жену³¹ наделить Биару способностью прозревать людские души.*

Дары Бастарза дали о себе знать довольно рано – сначала женская, а потом и мужская половина рода поняла, что за яркой и запоминающейся внешностью Долгожданной скрывается нрав, который сделал бы честь любому воину. А вот искра Найтэ проявилась только тогда, когда девочка получила прозвище и начала заплетать лахти: Пепельноволосая видела души сватающихся к ней женихов и обрывала обращенные к ней Песни чуть ли не на первом слове.

Долгих три лиственя³² отец Долгожданной проклинал день, когда вспорол горло первому барану. А на четвертый обрадовался – его дочь, Биара Пепельноволосая, сделала выбор и заплела в волосы черную ленту. Увы, оказалось, что ее избранник – не лам'наш'ги³³, не ори'шер³⁴ и даже не н'нар³⁵, а самый обычный айти'ар³⁶. Причем из крайне малочисленного рода Ширвани!

Убедить Биару изменить свое решение не получилось – выслушав пылкую речь отца, девушка упрямо свела брови к переносице и заявила, что ее избранник может стать величайшим воином Шаргайла.

– Только лишь «может»? – вскричал расстроенный отец. – И все?

– Да! – сказала Пепельноволосая. – Может. Ибо уже обладает всем, что для этого надо. А потом нахмурила брови и замолчала, давая понять, что сказала достаточно...

²⁸ По хейсарским меркам редкий героизм: убежав из дома, она тем самым отказалась от рода. То есть, если бы Вага не услышал ее Песнь, она бы стала считаться изгоем.

²⁹ Тэнтто – сказитель (*хейсарск.*).

³⁰ Биара – долгожданная (*хейсарск.*).

³¹ Женой Бастарза является Найтэ, богиня добра и справедливости.

³² Имеется в виду «после совершеннолетия».

³³ Лам'наш'ги – «хозяин Волчьих Клыков», т. е. мастер наш'ги.

³⁴ Ори'шер – дословно «мужчина-воин». Т. е. воин, находящийся во цвете лет.

³⁵ Н'нар – отец. Уважительное обращение к воинам, в силу возраста не способным держать в руке меч.

³⁶ Айти'ар – мальчик, ожидающий имени.

...Следующие два лиственя Сломанный Нож навевывался в сарти рода Ширвани чуть ли не каждую десятину – беседовал с воинами, присутствовал на тренировках и смотрел на того, кто посмел украсть сердце его дочери. А в день, когда мальчишка прошел Испытание Духа и получил имя, понял, что выбор Биары был не случаен – будущий великий воин взял жизнь не у медведя, а у пещерного льва.

Увы, радовался он рано: через три дня его дочь исчезла из своей комнаты, а сарти рода Ширвани разбудила звонкая Песнь, раздающаяся перед воротами. Те, кто смог покинуть чертоги Хэль³⁷ и спустился во двор, презрительно плевали себе под ноги – первая красавица Шаргайла стояла на улице простоволосой, босой и в араллухе без единого узора!

Такое поправление а`дар возмутило всех, кроме Ивира Львиной Гривы – избранник Долгожданной, не колеблясь ни мгновения, вышел к ней и принял ее Слово, Сердце и Жизнь. А в следующее мгновение удивленно вытаращил глаза – девушка вытаращила из рукава синюю ленту и вплела ее в лахти!

– Что это значит, о латт`иара?³⁸ – вполголоса поинтересовался он.

– Через несколько дней ты уходишь в свой первый поход, не так ли? – звонко ответила Биара.

– Да, так и есть! – гордо кивнул Ширвани.

– Я не могу прозреть твое будущее, муж мой, но могу сделать так, чтобы каждый миг настоящего стал для тебя счастливым...

– И что с ними было дальше? – чуть слышно спросил Кром.

– Ивир погиб. То ли во втором, то ли в третьем бою... – смахнув со щеки слезинку, вздохнула я. – Поэтому синий цвет для хейсаров – символ самопожертвования и смерти...

³⁷ Хэль – богиня снов. Младшая сестра Бастарза. Насыляет сны и арит`эно`ори – боевое безумие.

³⁸ Латт`иара – прекраснейшая.

Глава 5

Кром Меченый

Седьмой день второй десятины второго травника

...Тарваз Каменная Длань выглядел спокойным, как нижнее течение Наиры³⁹. Но только выглядел – в глубине его глаз сверкали искорки сдерживаемой злости, а от фигуры веяло недовольством. Впрочем, поздоровался он с таким пылом, словно не видел меня по меньшей мере листвень. И очень сильно скучал:

– Силы твоей деснице и остроты твоему взору, ашер! Искренне рад, что ты твердо стоишь на ногах!

Я в долгу не остался – пожелал ему долголетия, мудрости и неизменной благосклонности Барса, поблагодарил за участие в своей судьбе и выразил надежду, что в скором времени смогу не только твердо стоять, но и уверенно ходить.

Такого многословного ответа, да еще и с легкой издевкой, он явно не ожидал. Поэтому, вместо того, чтобы продолжить заготовленную речь, мрачно сдвинул брови к переносице и захрустел кулаками.

Пришлось помочь ему перейти к делу:

– Насколько я понимаю, ты не в восторге от того, что моя гард'эйт заплела в лахти синюю ленту, и собираешься высказать мне все, что думаешь по этому поводу...

Отрицать очевидное Тарваз не стал – откинулся на спинку кресла, скрестил руки на груди и угрюмо кивнул:

– Твоя жена обещала своему опекуну, что выйдет за тебя замуж...

– Она сдержала слово и стала моей женой...

– Мы рассчитывали сыграть свадьбу сразу после айге'тта! – зарычал аннар. – Именно поэтому Лев настоял на том, чтобы вы не уходили до конца эйди'ала!⁴⁰

– О свадьбе не было сказано ни слова. А уйдем мы, как и обещали, в первый день жолтеня...

– Ваша свадьба должна была стать одним из самых значимых событий этого лиственя!!!

В глазах старшего отца рода Аттарк плескалось самое настоящее бешенство. И я невольно вспомнил предупреждение Мэй:

– Я почти уверена, что мой поступок вызовет у Тарваза недовольство...

– Почему?

– В Шаргайле четыре рода первой линии: Усмары, Оноирэ, Максуды и Аттарки. Причем род Аттарков в этом списке стоит ПОСЛЕДНИМ. Как говорила Сита, он попал в эту линию сравнительно недавно – лиственей эдак двадцать с небольшим тому назад. И только потому, что Занатар Седобородый заключил союз с Шагратом Латирданом и взял в свои руки все отношения с Авероном... В общем, что и как было в прошлом – дело десятое. Главное, что соперничество между родами сродни маленькой войне: любое усиление одного вызывает недовольство остальных, и наоборот...

– Так вот почему женихов у тебя было аж четверо! – воскликнул я.

– Ну да! – усмехнулась она. – Чтобы я, единственная ныне живущая гард'эйт, выбрав достойнейшего, повысила статус одного из родов первой линии...

У меня испортилось настроение – это коротенькое объяснение делало понятными практически все странности поведения аннара и азы. Скажем, «забывчивость» азы Ниты, объ-

³⁹ Наира – река, по которой проходит граница между Вейнаром и Рагнаром.

⁴⁰ Эйди'ал – «Благословение Эйдиллии». Последняя десятиня третьего лиственя. Период свадеб у хейсаров.

яснившей Мэй не все тонкости виот'ун'иара⁴¹, теперь казалась не случайной, а намеренной: Аттарки расчетливо загоняли мою Половинку в положение, из которого был один-единственный выход – свадьба с Унгаром. Ну а обряд признания меня шшат'или⁴² являлся лишь средством, позволяющим удержаться в роду и майягарда, и гард'эйт!

Заметив, что я помрачнел, Мэй быстренько вытрясла из меня причины недовольства и пожала плечами:

– Насчет виот'ун'иара – ты прав: меня действительно пытались вынудить выйти замуж за Ночную Тишь. А вот причину поступка Седобородого, думаю, ты понял неверно – такую честь абы кому не предлагают. Впрочем, даже если тебя назвали Аттарком не из чувства благодарности, а из расчета, радуйся – став хейсаром, ты, по вейнарским меркам, получил дворянство. И меня!

Я обрадовался. Еще как – сгреб ее в охапку, ласково прикоснулся губами к маленькой розовой мочке, зарылся носом в волосы, запустил руку под нижнюю рубашку и... получил по пальцам.

– Так вот, о недовольстве: мое решение заплести синюю ленту лишило Тарваза возможности закатить свадьбу на весь Шаргайл и показать соперникам значимость его рода. Думаю, он не преминет высказать тебе все, что он обо мне думает...

Воспоминания об этой беседе промелькнули за считанные мгновения. И заставили меня огрызнуться:

– Понимаю. Однако я УЖЕ услышал ее Песнь...

Мое «уже», подчеркнутое интонацией и взглядом, подействовало на аннара, как хлыст на норовистого рысака, – он подался вперед, приподнялся, набрал в грудь воздуха и недоуменно уставился на грудку колец, которые я высыпал на стол:

– Что это?

– МОЯ ЖЕНА обещала Барсу два десятка баранов. Еще двадцать мы принесем в жертву от моего имени...

– Ты хочешь, чтобы их выбрал я?!

– Нет. Переговори с увеем – я хочу, чтобы он позволил нам пролить жертвенную кровь в рей'н'и'оле...⁴³

Как и предсказывала Мэйнария, услышав это предложение, Каменная Длань задумался. Причем надолго. Я не мешал, ибо приблизительно представлял, какие мысли должны ворочаться у него в голове:

«Раз Песнь уже услышана, значит, о свадьбе можно забыть. А вот торжественное жертвоприношение в Святилище – ничуть не хуже! Только вот согласится ли увей? Да, это не по а'дару. Зато жертву будут приносить майягард-Аттарк и гард'эйт-Аттарк! Опять же, четыре десятка баранов – это не два, не три и даже не пять, значит, Барс их услышит. И, скорее всего, оценит такие дары... Хм... А что, может и получится!»

– Хм... может и получится! – вторя моим мыслям, выдохнул аннар. – Особенно если еще два десятка принесу в жертву я!

Я с трудом удержал рвущуюся наружу улыбку и встал из-за стола:

– Думаю, мы друг друга поняли?

Тарваз задумчиво оглядел меня с ног до головы и утвердительно кивнул:

– Я тебя слышал! И сделаю все, что смогу...

⁴¹ Виот'ун'иар – дословно «день, когда девушка показывает лик». Аналог наших смотрин.

⁴² Шшат'или – дословно «признанный сын», т. е. человек, вошедший в род со стороны. Чем выше ранг «названного отца» шшат'или, тем выше его статус и уважение, которое ему оказывается в роду.

⁴³ Рей'н'и'ол – дословно «место, где тебя слышно». Святилище Бастарза.

...Выйдя в коридор, я аккуратно притворил за собой дверь и вопросительно уставился на Уресса, отклеившегося от стены, – мальчишка был пунцовым, как вареная свекла, и смотрел не в глаза, а на носки своих сапог.

– У меня пока нет своего голоса, Мастер, но я должен... сказать... вот...

– Если считаешь нужным – говори...

– Твоя жена вышла из комнаты, забыв надеть свадебный дар... – срывающимся шепотом произнес айти'ар. – Это бросает на нее тень!

– Свадебный дар?! – нахмурившись, переспросил я. – Который?

Уресс сглотнул:

– Ну, ожерелье, которое дарят женам после лар'ват...⁴⁴

– Что такое «лар'ват»?

Мальчишка покраснел еще гуще и наконец посмотрел мне в глаза:

– Первая ночь...

Я заиграл желваками, судорожно перебрал в голове все имеющиеся возможности хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию и хлопнул мальчишку по плечу:

– Она не забыла! Просто пока не привыкла к своему положению и по вейнарской привычке носит мой дар под араллухом...

Во взгляде Уресса появилось облегчение.

– Зря! Женщина должна гордиться тем, что радует своего мужа!

– Я ей передам... – улыбнулся я и заторопился к себе...

...На губах вернувшейся Мэйнарии играла растерянная улыбка. А в глубине глаз пряталась жгучая обида. Впрочем, увидев меня, она сделала вид, что все хорошо, подошла, обняла за талию, уткнулась носом в грудь и застыла.

– Прости... – ласково погладив ее по спине, виновато сказал я. – Об обычаях хейсаров я еще совсем недавно не знал почти ничего. Да и сейчас знаю не намного больше...

– Ты о чем? – не отрываясь от меня, спросила она.

– Они искали на тебе свадебный дар... А когда не нашли, решили, что я – скряга...

М-да. Обманывать Мэй, позволяя ей прикасаться к себе, было глупо – почувствовав мою неискренность, она тут же догадалась, как должно было звучать это предложение на самом деле.

– Ты хотел сказать, они решили, что я была так плоха, что не заслужила даже кожаного шнурка с болтающейся на нем медной монеткой?!

– Я сказал то, что хотел! – возмутился я. – Ты была великолепна! Я...

– Не оправдывайся: я знаю, что ты ко мне чувствуешь... – подняв голову и посмотрев на меня, улыбнулась она. – Кроме того, ты подарил мне себя. Мне этого достаточно...

– А мне – нет... – буркнул я, легонечко подтолкнул ее к столу и стянул с остатков драгоценностей, некогда позаимствованных у лесовиков, прикрывавшую их тряпицу: – Вот! Все это взято кровью!⁴⁵ Выбирай...

Мэй встала на цыпочки и потянулась к моим губам. Я с жаром ответил на ее поцелуй, потом развернул ее к себе спиной и шепнул на ухо:

– Поцелуй и ласки – потом. После того как ты выберешь свадебный дар...

– Не буду я ничего выбирать! – даже не взглянув на драгоценности, притворно возмутилась она. – Ты даришь, ты и выбирай! А я посмотрю, насколько я тебе понравилась...

⁴⁴ Лар'ват – дословно «первый бой». Как правило, в случае, если похищенная не горит желанием близости с похитителем, первая брачная ночь превращается в поединок, во время которого мужчина силой доказывает женщине право обладать ею.

⁴⁵ По местным понятиям, дар из добычи, взятой в бою, считается вдвое более ценным, чем то, что куплено.

В камнях я не разбирался. Совсем. Но неплохо помнил, как менялось выражение лица менялы, рассматривавшего украшения. Поэтому нашел взглядом тяжеленное серебряное ожерелье с десятком огромных ярко-синих тирритов⁴⁶ и... тоже захотел пошутить:

– Как ты думаешь, хейсары поймут, если ты нацепишь сразу все?!

– ?!

– Вся эта кучка не стоит и одной твоей улыбки. Поэтому тебе придется обвешаться с ног до головы...

– Лстец! – фыркнула она, в глубине души млея от счастья. – Выбирай что-то одно! Ты же чувствуешь, что я уже заждалась!

– Ну... тогда вот это!

– Почему именно оно?

– Очень подходит к цвету твоих глаз... И почти такое же красивое, как ты...

...Убедить Мэй спрятать ожерелье под араллук оказалось безумно сложно – искренне радующаяся подарку, она упорно не желала понять, что в сложившейся ситуации правильнее показать один-единственный камень, чем весь свадебный дар.

– Я хочу, чтобы его видели все! – раз за разом повторяла она. – Оно прекрасно! И смотрится намного лучше того, что носит аза Нита!

Пришлось привести неопровержимые доводы – поцеловать в губы эдак раз сто и попросить в этот раз прислушаться к моему мнению.

Прислушалась. Но все равно сделала по-своему – надела его под араллук, «совершенно случайно» оставив ворот незашнурованным. Вернее, зашнурованным, но так, что сквозь тесьму были видны не только тирриты, но и манящая ложбинка между грудей.

– Боюсь, из комнаты мы не выйдем... – обняв Мэй за талию и плотоядно глядя на открывающееся великолепие, усмехнулся я.

– Выйдем... Совсем ненадолго... А когда вернемся – ты получишь все, что хочешь... – уперевшись ладошками мне в живот, взмолилась она. – Пойми, ожерелье должны увидеть еще сегодня!

– Ну ладно, уговорила... – согласился я и, выпустив ее из объятий, ехидно поинтересовался: – Куда пойдем? На оу'ро?⁴⁷

– Вот еще! Там – только часовой! Спустимся во двор и сделаем вид, что ты решил немного пройтись...

...Спустились по лестнице, вышли через каш'ши⁴⁸ и оказались в перекрестии взглядов слоняющихся по двору Аттарков.

Конечно же, незашнурованный ворот увидели все. И ожерелье – тоже. Что интересно, мужчины смотрели не столько на украшение, сколько на видимую часть груди. А женщины, не отрываясь, пялились на камни. Видимо, пытаюсь оценить стоимость сделанного дара.

Меня злило и то, и другое – и грудь, и ее хозяйка принадлежали МНЕ! А стоимость того, что мне подарила Мэй, нельзя было выразить и ведром слез Эйдилии!

Увы, моя гард'эйт считала по-другому – с каждым новым взглядом она чувствовала себя все увереннее и увереннее. И чуть было не плавилась от удовольствия.

Мои мучения продолжались сравнительно недолго – когда мы подошли к непривычно безлюдной тренировочной площадке, нас догнала Шарати и, поравнявшись с Мэйнарией, тихим шепотом сообщила ей, что по а'дару свадебный дар полагается носить поверх араллуха.

⁴⁶ Тиррит – местное название сапфира.

⁴⁷ Оу'ро – «Орлиное Гнездо». Площадка на башне дома-крепости хейсаров.

⁴⁸ Каш'ши – дословно «высокая дверь» – дверь, через которую входят старшие мужчины рода и самые уважаемые гости.

Ожерелье тут же переместилось на нужное место и вызвало непередаваемый восторг девушки:

– Ух ты, какая красотища!!!

– Взято кровью... – не преминула сообщить Мэй. – В моем присутствии! Представляешь?

Дальнейшего щебетания я не услышал, так как поймал взгляд спешащего к нам Унгара Ночной Тиши. И приготовился к неприятностям...

Глава 6

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Второй день третьей десятины второго травника

...Тот, кто когда-то выпустил на свет⁴⁹ душу этого камня, был эйдине⁵⁰. Или истинным потомком Бога-Воина. Ибо ни один обычный человек не смог бы увидеть в нем то, что сейчас стояло в центре рей'н'и'ола.

Человеческий нос с раздутыми ноздрями, широченные скулы, глаза под сдвинутыми бровями – и скошенный назад лоб, остроконечные ушки, звериная пасть...

Могучая шея, широченные плечи, руки, перевитые вздувшимися от чудовищного напряжения мышцами, – и звериные лапы с когтями, сделавшими бы честь самому огромному льву...

Мощная, как у молотобойца или каменотеса, грудь, четко выделяющаяся арка ребер над животом – и жуткая, изломанная грань изменения, накатывающая на еще почти человеческий верх со стороны звериного низа...

Смотреть на Бастарза было жутко: от его фигуры веяло такой нечеловеческой мощью, что хотелось вжать голову в плечи, опустить взгляд и медленно-медленно пятиться к выходу из пещеры. Туда, где светит солнце, щебечут птицы, а в шелесте травы можно услышать дыхание Жизни. Но не смотреть на него было нельзя – добрые две трети собравшихся в святилище хейсаров не сводили с меня глаз и ждали хотя бы тени эмоций, которые можно было бы счесть неподобающими для гард'эйт. Поэтому я старательно держала лицо и не отрывала «восхищенного» взгляда от копья⁵¹, зажатого в лапе Снежного Барса, пока густой бас, прозвучавший из тьмы, клубящейся за спиной Бога-Отца, не заставил меня похолодеть:

– Кто вы и что привело вас в рей'н'и'ол, воины?!⁵²

– Я – Тарваз Каменная Длань, аннар рода Аттарк, пришел принести Барсу дары за спасение баас'ара⁵³ первой крови...⁵⁴

– Я – Кром Меченый, ори'шер рода Аттарк, пришел поблагодарить Барса за ниспосланный мне знак...

– Я – Мэйнария Скользящая Следом из рода Аттарк, пришла выполнить обещанное...

Несколько долгих-предолгих мгновений в пещере стояла мертвая тишина. А затем ее разорвал хриплый голос одного из аннаров. Судя по вышивке на араллухе, то ли Максуда, то ли Оноирэ:

– Кром по прозвищу Меченый! Ты ведь служишь другому Богу, не так ли?

Даже не касаясь Крома, я почувствовала, как он напрягся:

– Кто ты, пытающийся говорить голосом Барса?

По лицам остальных аннаров промелькнули насмешливые улыбки. А в глазах того, кто усомнился в праве моего мужа вознести дары Богу-Воину, полыхнула ненависть:

– Я – Диртас Расколота Скала, аннар рода Максудов! И говорю не голосом Барса, а голосом своих предков!!!⁵⁵

⁴⁹ На Горготе считают, что талантливые скульпторы не ваяют, а лишь выпускают на свет содержащуюся в камне душу.

⁵⁰ Эйдине – тот, чей дух заблудился в густом тумане. То есть сумасшедший.

⁵¹ Копье – любимое оружие Бастарза. Хейсары считают его символом несокрушимой мощи и неминуемой победы.

⁵² Гард'эйт живет жизнью майягарда. Поэтому увей обращается к троице именно так.

⁵³ Баас'ар – дословно «мальчик, которому покровительствует Бастарз». Т. е. ребенок мужского пола в возрасте до пяти лет.

⁵⁴ Первая кровь – сыновья старшего отца рода, его наследника и т. д.

⁵⁵ Голосом предков – т. е. согласно а'дару.

– Скажи мне, Диртас по прозвищу Расколотая Скала, ты, хейсар по крови и духу, знаешь, что такое благодарность?

Максуд аж поперхнулся:

– Я?!

– Да, ты! И если все-таки знаешь, то скажи, где она заканчивается. Чтобы твои сыновья, стоящие здесь, в рей'н'и'оле, ненароком не вышли за ее границы!

От вспыхнувшего лица хейсара можно было воспламенить трут:

– У моей благодарности границ НЕТ!!!

– Тогда почему ты удивляешься тому, что я, слуга Бога-Отступника, хочу воздать должное Богу-Воину? Или ты считаешь, что кровь, пролитая мной, менее горяча, чем та, которую когда-то проливал ты?

Расколотая Скала пошел пятнами – еще бы, Кром прилюдно выставил его на посмешище. Причем дважды: сначала усомнился в его способности воздавать по справедливости, а потом недвусмысленно дал понять, что Диртас уже не ори'шер, а н'нар!

Окажись я на месте Максуда – умерла бы от стыда. Или вызвала бы Крома на поединок. Этот – утерся. Вернее, попытался удержать лицо.

– Я не удивляюсь, а хочу убедиться, что ты понимаешь, куда именно пришел!

На лицах собравшихся в пещере хейсаров замелькали улыбки. В основной массе – насмешливые. Кром смеяться не стал – ляпнул такое, что у меня затряслись поджилки.

– Есть я, есть мое Слово и есть Барс... Ну, и где тут ты?

Анна рода Максудов схватился за наш'ги, но ответить на оскорбление не успел – рядом со статуей Бастарза возникла высоченная – ничуть не ниже Крома – фигура и рывкнула на всю пещеру:

– Достаточно! Кром по прозвищу Меченый – ВОИН!! А тот, кто в этом сомневается, может посмотреть на его посох!!!

Я чуть не лопнула от гордости – на посох моего мужа стоило посмотреть и просто так! Чтобы ужаснуться тому количеству жизней, которые он забрал. А потом вдруг поняла, почему святилище называют местом «где тебя услышат» – голос увей⁵⁶, отразившись от невидимых стен, ударил по ушам сильнее, чем рев тревожного рога!

Несколько мгновений в пещере было тихо – те, кто еще не видел Посох Тьмы, пытались разглядеть Путь, а те, кто имел такую возможность, молча ждали начала речи. И дождались – подойдя к нам, верховный жрец Бастарза по очереди заглянул нам в глаза, потом вырвал из ножен кривой клинок и вскинул его над головой:

– У-уэй! У-уэй!! У-уэй!!!

...К моему искреннему удивлению, в отличие от братьев во Свете, говорил он недолго и по делу, не пытаясь поразить нас ни красотой, ни глубокомысленностью речи:

– Воин – это человек долга. Долга перед Богами, своим народом, сородичами и самим собой. Каждый его поступок – служение. И не только Барсу – воин, защитивший женщину, возносит Дар Эйдилии, вступившийся за несправедливо обиженного становится рукой Найтэ⁵⁷, а предотвративший набег или войну на какое-то время возвращает на Горгот дух Даттара⁵⁸. Тот, кто этого не видит, – слеп, даже если его глаза способны узреть парящего в небе орла или ползущего по травинке муравья. Поэтому я, увей, говорящий голосом Барса, протягиваю этот вар'дан⁵⁹ тому, кто понимает ценность Первой Крови! Тарваз Каменная Длань?

– Да, увей?

⁵⁶ Увей – верховный жрец Бастарза.

⁵⁷ Найтэ – богиня добра и справедливости. Жена Бастарза. По представлениям Хейсаров, абсолютно бесстрашна и способна вывести эйдине из чертогов Хэль.

⁵⁸ Даттар – бог мира и спокойствия. Убит Бастарзом.

⁵⁹ Вар'дан – дословно «отнимающий жизнь».

– Бастарз смотрит на тебя!

... Не успело отзвучать эхо последней фразы, как в пещере вспыхнуло еще десятка два факелов, и их свет, разорвав почти крошечный мрак, осветил и высоченный потолок, покрытый устрашающими кроваво-красными иглами⁶⁰, и жуткие алые кольца⁶¹, торчащие из «пола» за спиной статуи, и бурые каменные потеки, напоминающие следы крови, оставшиеся после Битвы Богов. Еще через десяток ударов сердца справа и слева от нас раздался слитный скрип, и я, скосив глаза, увидела, как дюжий помощник увая поворачивает висящий на цепях массивный металлический лист, отполированный до зеркального блеска.

Вспышка – и свет факелов, отраженный листом, остановился на жертвенном камне, прежде прятавшемся в густой тени. И тут же за нашими спинами раздалось испуганное бляение барана.

Тарваз, явно дожидавшийся именно этого, неторопливо двинулся вперед. И, сделав три шага, превратился в статую.

«Благодарить вслух нет необходимости... – вспомнила я его объяснения. – Есть вы, ваше слово и Барс. А все остальное – тлен. Поэтому, остановившись перед статуей, не думайте, как вы выглядите со стороны, а просто слушайте свое сердце...»

Забавно, но в этот момент я почему-то вспомнила одну из проповедей брата Димитрия. И презрительно усмехнулась – теперь, увидев, как обращаются к своему богу хейсары, я понимала, что слуг Бога-Отца больше интересовала форма, чем содержание:

– ...Ну кто так кланяется?! – жезл с оголовьем, изображающим солнце, описывает дугу и с силой бьет по хребту коленапреклоненной Воронихи. – Истовее надо, истовее! Ибо деяние, в котором нет души, – суть шаг к Дзуликому!

Очередной поклон завершается стуком – до смерти перепуганная Ворониха ударяется лбом об пол и тихонечко взвизгивает от боли.

На губах брата Димитрия появляется кривая улыбка:

– Больно? Возрадуйся, ибо ты только что отринула плотское начало и дала возможность своей молитве вознестись в горние выси...

– Слышишь?! – горячий шепот Аматы, прозвучавший у меня над ухом, заставляет меня испуганно вздрогнуть. А чувствительный щипок за бок – закрыть глаза и зашевелить губами в очередном повторении «Благодарствия». – Кланяйся чаще! Иначе твои молитвы не стоят ни копейки...

«Надо слушать свое сердце...» – про себя повторила я и улыбнулась: сердце пело от радости. Ибо мой муж, живой и здоровый, стоял РЯДОМ!!!

... Увей не обманул – Барс смотрел на Тарваза. И, кажется, даже водил его десницей. Ибо за полчаса, потребовавшихся аннару рода Аттарк, чтобы принести в жертву два десятка баранов, на его белоснежном араллухе не появилось ни одной капельки крови!

Хейсары, крайне серьезно относящиеся к такого рода знамениям, троекратно рывкнули свое «у-уэй», причем наши сородичи орали громче всех. А вот Каменная Длань ничем не показал своего восторга – склонил голову перед статуей, неторопливо повернулся к ней спиной, подошел к увей и вернул ему ритуальный клинок:

– Я – сделал...

– Ты был услышан! – кивнул жрец, с благоговением протер дымящееся лезвие куском ткани и протянул его Крому: – Бастарз смотрит на тебя, ори'шер!

«Мужчина-воин», до этого момента соперничавший со статуей Бастарза в неподвижности, не глядя, отвел в мою сторону руку, сжимавшую Посох Тьмы, дождался, пока я возьмусь

⁶⁰ Сталактиты.

⁶¹ Сталагмиты.

за древко, и взял ритуальный клинок. Потом так же неторопливо, как Тарваз, сделал положенные три шага и остановился.

Я им залюбовалась. Было с чего – даже сейчас, толком не восстановившись после ранения, он выглядел внушительно. И чем-то походил на Дээта⁶².

Видимо, эта мысль пришла в голову не только мне – десницы некоторых хейсаров потянулись к рукоятям наш'ги, а Расколотая Скала даже вцепился рукой в плечо стоящего рядом с ним воина.

Кром не обратил на их шевеления никакого внимания – постоял, глядя на статую, минуты две – две с половиной, потом подошел к помощнику увая, удерживающего брыкающегося барана рядом с окровавленным жертвенным камнем, и отточенным движением сбил животное с ног...

...То, что с ножами Меченый управляется ничуть не хуже, чем с посохом или чеканом, я догадывалась. Но то, что он может с ними делать в реальности, видела впервые – удары, которые он наносил, были похожи друг на друга, как капельки росы. И выглядели до безумия красиво! Да, именно красиво – казалось, он не вкладывал в движения рук никаких усилий, но отточенный клинок перехватывал глотки жертвенным животным с такой легкостью, как будто кромсал воздух!

Что интересно, при этом Кром смотрел не на них и не на кровь, сплошным потоком стекающую по желобкам к каменному колодцу у ног статуи, а на каменное копьё, зажатое в руке Бога-Воина.

Видимо, молитвы, которые он возносил во время жертвоприношения, были действительно искренними, так как Барс принял и его дары. Точно так же, как и дары Каменной Длани.

Окружавшие нас воины снова сотрясли воздух троекратным ревом и затихли, уставившись на меня.

Что делать, когда мне вручат ритуальный клинок, я помнила прекрасно. Поэтому, услышав «Бастарз смотрит на тебя, гард'эйт», осторожно взяла все еще теплый клинок за рукоять и протянула его Крому:

– Его длань – моя длань! Я сказала...

Потом подошла к статуе и решительно заглянула в ее глаза.

Странно, но жуть, которой веяло от нее все время до этого, тут же куда-то пропала, а на смену ей пришли непоколебимое спокойствие и твердая уверенность в том, что я тут по праву.

«Благодарю тебя, Барс, за то, что ты не дал прерваться нити жизни моего мужа, за то, что в его руки потихонечку возвращается былая сила, и за то, что ни одна из полученных ран не превратила его в бессильного калеку, не способного взять в руки меч!»

То, что Кром сражается не мечом, а посохом или чеканом, я сообразила уже после того, как завершила молитву. Но поправляться не стала – Бастарз и сам был воином. Значит, понимал, что значит немощь. И не нуждался в пояснениях.

«А еще я хочу поблагодарить тебя за то, что свел меня с этим мужчиной. И за то, что заставил увидеть Свет, горящий в его душе...»

Ворвавшийся в пещеру ветерок качнул пламя факелов, и мне почудилось, что Барс улыбнулся. На душе стало светло и спокойно. И я поняла, что говорить все то, что я хотела, необязательно – Бог-Отец ЗНАЕТ, что я обещала ему двадцать баранов не потому, что боялась уйти, а потому, что люблю Крома больше жизни, ВИДИТ, что я приняла данную клятву душой и сердцем и по-настоящему считаю себя гард'эйт, и РАД тому, что мы с Меченым стали одним целым. Поэтому я склонилась в поясном поклоне и ограничилась одним, но до безумия емким словом:

«Благодарю!!!»

⁶² Дээт – персонаж хейсарских легенд. Одноглазый великан, бросивший вызов самому Бастарзу.

А через пару ударов сердца с изумлением поняла, что жертвоприношение закончено, а с губ моего мужа уже сорвалось традиционное «Я – сделал!».

Короткий взгляд на его араллук – и мою душу переполнила безумная радость: я была услышана! Так же, как Тарваз с Кромом!!!

– Ты была услышана! – веско подтвердил увей, принял из рук моего мужа ритуальный клинок, тщательно протер его тряпкой, с благоговением вложил в ножны, а затем повернулся к аннарам: – Вы – видели! У-уэй!!!

Кивнули. Все, кроме Расколотой Стены и старика, неуловимо похожего на Намора Медвежью Лапу.

Первый – злобно ощерился, но промолчал. А второй тяжело шагнул вперед, огладил седую бороду и вскинул над головой правый кулак:

– Я – видел! Больше, чем другие! И хочу задать несколько вопросов...

Перед моими глазами тут же появилось хмурое лицо Тарваза, а в ушах снова прозвучал его голос:

– *Мы будем в своем праве. И если ты, Кром, не ошибешься, то никто не посмеет оспорить волю Бастарза...*

Видимо, и этот аннар был в своем праве, так как увей утвердительно кивнул и отступил в сторону, чтобы не загораживать нас с Кромом и Тарвазом.

– Я, Лерий Сжатый Кулак, аннар рода Усмаров, видел не один Посох Тьмы и знаю, что значит каждая зарубка на Пути Бездушных. Поэтому задам только один вопрос: скажи, Кром, сколько душ ты спас от ухода за грань?

– Шесть десятков и восемь... – тут же ответил Меченый.

– Семьде... – дернулась было я, а потом сообразила, что меня, то есть одну душу, он спас несколько раз.

– Теперь вопрос к Каменной Длани! – насмешливо глядя на Тарваза, воскликнул Сжатый Кулак. – Как называют воина, сумевшего одолеть пять десятков противников один на один?

Старший отец рода Аттарков побагровел, сжал кулаки, но все-таки ответил:

– Баас'ори'те...

По губам Лерия зазмеилась довольная улыбка:

– Что ж, я тебя слышал!

Глава 7

Кром Меченый

Третий день третьей десятины второго травника

...Ро'ори, молодые хейсары, уже получившие имя и сходившие в свой первый набег, но еще не заслужившие права называться ори'шерами, с надеждой смотрели на меня и, кажется, даже не дышали. Еще бы: они только что попросились в ученики к воину, Отмеченному Духом Бастарза, к человеку, способному вдохнуть в них искру божественного знания и наставить на путь, ведущий к Великим Подвигам. А этот человек – то есть я – молчал. Вот уже минут пять. Ибо мысленно крыл самыми последними словами всех хейсарских любителей интриг, начиная с Тарваза Каменной Длани и заканчивая Лерием Сжатым Кулаком...

...А ведь в святилище Бога-Воина все выглядело совсем по-другому: аннар рода Усмаров, объясняя мне смысл понятия «баас'ори'те», упирал на то, что Воин, Отмеченный Духом Бастарза, – это титул и права. Но ни в коем случае не обязанности.

– Его дает не Барс, а люди. Поэтому от него не отказываются...

Хитрые огоньки, вспыхивающие в глазах Сжатого Кулака, поверить в это не позволяли. И я все-таки попытался отказаться. Сразу после того, как узнал, что имею право в любое время дня и ночи входить в рей'н'ул, могу собирать Большой Совет Аннаров, объявлять войну или набег, вести за собой до тысячи воинов, останавливаться в любом сарти Шаргайла и что-то там еще.

Напомнил, что уже служу Богу-Отступнику и что уже прошел свой Путь. А потом добавил, что большинство поверженных мною противников были Серыми или лесовиками и что я не настолько хорош, чтобы иметь право называться этим самым «баас'ори'те».

Аннар «услышал» только последний довод. И решил меня пожурить:

– Скромный достоин уважения. Но только если скромность скрывает силу...

– Какая, к Двуликому, скромность? – рявкнул я. – Я говорю то, что есть!

Лерий, как хороший жонглер⁶³, использовал мои слова себе на пользу:

– А говорить и не надо! За тебя все сказали твои дела: гард'эйт, стоящая за плечом, зарубки на Посохе Тьмы и трупы отборных воинов Ордена, оставленные на оу'ро...

...«Ну какой из меня ниер'ва? ⁶⁴ – глядя на воинов, ожидающих моего решения, мрачно думал я. – Не каждый знающий способен сделать. Не каждый делающий может научить!⁶⁵ Да еще и за каких-то пять с половиной десятин!»

– Соглашайся... – прикоснувшись к моему предплечью, еле слышно шепнула Мэй. – Ты теперь хейсар. Значит, должен...

Ход ее мысли был понятен без всяких объяснений – за титул шпат'или, позволивший мне жениться на ниспосланной Богами Половинке, надо было платить. Частью оставшегося мне времени.

– Э-э-эх... – скрепя сердце выдохнул я и уставился на ослепительно-белый пик Ан'гри, упирающийся в небо. – Я, баас'ори'те Кром по прозвищу Меченый, беру вас, ро'ори'о, в ученики сроком на пять недель! Ваши кости – мое мясо...

...Тренировать два с лишним десятка человек на Орлином Гнезде было невозможно – они бы мешали друг другу даже во время разминки. Поэтому я задумчиво почесал затылок,

⁶³ Жонглер – странствующий сказитель, певец, музыкант или фокусник.

⁶⁴ Ниер'ва – дословно «дарующий божественную искру». Мастер, способный вложить в ученика дух Бога-Воина.

⁶⁵ Это изречение приписывается основателю Вейнарской школы Меча и вбивается в сознание новичков с первыми разучиваемыми движениями.

протиснулся между зубцами и посмотрел вниз, на тренировочную площадку. Как я и предполагал, она оказалась занята сыновьями⁶⁶ Каменной Длани.

– Для наших тренировок выделили площадку в сарти увея, Мастер! – сообразив, зачем я выглянул во двор, сообщил один из моих новых учеников. – А еще меня попросили передать, что твое рейро уже готово...

Я криво усмехнулся – Хитрый Лис последовательно обрывал все нити, связывающие меня с родом Тарваза: сначала вынудил меня называть себя не шпат'или Аттарков, а баас'ори'те, затем заставил других видеть его во мне, прислав ара'д'ори⁶⁷ с вышивкой, полагающейся воину, отмеченному Духом Бастарза, а теперь вот создал еще и условия для переселения. Хотя и утверждал, что я могу жить там, где захочу:

– *Теперь ты – гордость всего Шаргайла. Поэтому тебе выделяют рейро в сарти увея. Перебираться туда не обязательно, но ночевать хотя бы изредка стоит...*

«Интриган...» – угрюмо подумал я, раздраженно поскреб ногтями шрам на щеке и решительно повернулся к ученикам:

– Встретимся там. Завтра. В час жаворонка. А сейчас можете идти...

...После их ухода я наконец сосредоточился на Мэйнарии – Уресс, получивший задание еще в самом начале тренировки, не переставал работать ил'личе⁶⁸ даже во время моей беседы с ро'ори – выставил руки перед собой, медленно вытянул правую, коснулся пальцами лба жены и вернул ее обратно:

– Я тебя бью. В голову. Пока очень медленно. Ты должна отвести мою руку в сторону тем движением, которое мы только что отработывали...

Отвод получился корявее некуда – ее ладошка шлепнула не по запястью, а по середине предплечья, да так сильно, как будто хотела его остановить, а не отвести. Силы, конечно же, не хватило – и мой кулак, продавив сопротивление, легонечко коснулся середины лба.

– Достал. Можно считать, что ты потеряла сознание или умерла! А теперь скажи, что ты сделала не так?

Сказала. Слово в слово повторив то, что я рассказывал ей перед приходом ро'ори. Потом попробовала еще раз – и снова сделала не так, как надо.

– Не останавливай мой удар: тебе все равно не хватит силы! Просто отодвинь его на ладонь в сторону или отодвинься сама, а когда кулак пролетит мимо – бей!

– Бить мне пока рановато... – вздохнула Мэй. – А отводить пока не получается: у тебя не рука, а таран...

...Тренировать Мэй было до безумия приятно – она, ощущающая неумолимый бег времени так же остро, как и я, вкладывала душу в каждое упражнение. И настолько в него вживалась, что не столько вдумывалась в мои ощущения, сколько чувствовала, что я хочу ей сказать. И, естественно, хватала правильные движения раза в полтора быстрее, чем первачи Кручи. В результате часа через два после начала тренировки она уже довольно неплохо гасила мои удары «Шлепками Медведя», а через три смогла повторить первое дуновение⁶⁹ парного танца⁷⁰ Ветра.

Само собой, делала она его крайне медленно и не особо правильно, но делала! До тех пор, пока поднимались руки. А когда перестали – продолжила отработывать переходы.

Я удивился, так как представлял, насколько она устала. Дал поработать еще минут пять, потом остановил и похвалил:

– Молодец...

⁶⁶ Кром употребляет хейсарское выражение – члены рода считаются сыновьями и дочерьми аннара.

⁶⁷ Ара'д'ори – буквально: одежда для воина (*хейсарск.*).

⁶⁸ Ил'liche – дословно «кувшин силы», инвентарь, используемый для тренировки пальцев и запястий. Аналог – нигиригаммэ в Годзю-рю.

⁶⁹ Дуновение – название боевых связок комплекса Ветра.

⁷⁰ Танец – местное название комплекса формальных упражнений.

А остальное – то, что горжусь тем, что у меня такая добросовестная жена, – сказал взглядом. И чуть не утонул в бездонных синих колодцах ее глаз, в которых, кроме беспредельного счастья и искренней благодарности, появилось ОБЕЩАНИЕ!

Желание тренироваться тут же пропало: я посмотрел на Уресса, все еще тягающего свои ил'liche, обрадованно отметил, что и его конечности ощутимо подрагивают, и неожиданно для себя взял и закончил тренировку:

– Все, на сегодня – хватит!

Мальчишка расстроился – видимо, рассчитывал, что я уделю ему хотя бы пару минут. Но озвучивать свое желание не стал – поблагодарил меня за тренировку и унесся по своим делам. А мы, переглянувшись, пошли мыться...

...Я смыл с себя пот минут за десять. И, выбравшись из бочки для омовений, быстренько оделся. А когда вылетел из бани, обнаружил, что Мэй уже стоит во дворе. Собирая мокрые, нечесанные волосы в самый обычный «хвост»!

«Я тебя люблю...» – взглядом сказал я.

«Я тебя тоже...» – улыбнулась она. И, дождавшись, пока я пройду мимо, заняла место за моим левым плечом⁷¹.

Делая вид, что никуда не торопимся, мы прошли по двору до высокой двери, зашли в сарти, поднялись на пятый этаж и одновременно заскрипели зубами, увидев, что стену напротив двери в нашу комнату подпирает Унгар Ночная Тишь.

– Силы твоей деснице и остроты твоему взору, баас'ори'те! Полной чаши твоему дому и плодовитости лону, ашиара! – учтиво поздоровался хейсар. Потом поднял с пола тяжеленный сверток и показал его Мэй: – Я принес все, что ты просила. И готов заниматься.

Мэй виновато посмотрела на меня и опустила взгляд – мол, решай сам...

Решил. И следующие два с лишним часа умирал от ревности: моя жена, сидя за столом бок о бок со своим бывшим женихом, учила его правильно собирать налоги. Нет, разумом я понимал, что эти занятия – часть ее долга перед своим родом. Но только разумом – сердце рвалось на части всякий раз, когда я слышал, как она обращается не ко мне, а к НЕМУ.

«Он будет управлять леном Атерн, когда мы уйдем...» – раз за разом повторял я про себя. Но довод не успокаивал – я ЗНАЛ, как Унгар относится к Мэй. И помнил, как он на нее смотрел во время виот'ун'иара!

Довод «теперь она моя жена» тоже не убеждал – Аютэ тоже была замужем. Однако это не помешало Негзару Мыши ее похитить.

«Унгар – тоже Аттарк. Значит, мой родственник...» – твердил я. И изо всех сил сжимал кулаки – похищение женщин в Шаргайле было нормой. Значит, Ночная Тишь МОГ ХОТЕТЬ ЭТО СДЕЛАТЬ!

Видимо, обуевающие меня чувства все-таки вырвались наружу, так как в какой-то момент, повернувшись ко мне, Мэй изменилась в лице, тут же отодвинула от себя исписанный Унгаром свиток и слово в слово повторила слова, которыми я закончил сегодняшнюю тренировку:

– Все, на сегодня хватит!

Тон, которым она это произнесла, ясно давал понять, что оспаривать ее решение бессмысленно, однако Ночная Тишь все-таки попытался:

– Я не устал!

– Ты – нет. Зато устала я...

Парень ее «не услышал»:

– Но ведь еще толь...

– Я. Хочу. Провести. Время. С мужем! Ясно?!

⁷¹ Как полагается замужней хейсарке.

– Да... Прости, ашиара... – опустив взгляд, как-то слишком недовольно буркнул Унгар. – Тогда я приду завтра. В это же время...

«Нет!!!» – мысленно воскликнул я, почувствовав, что за словами «приду завтра» скрывается нечто большее, чем обычное желание учиться.

– Нет! – твердо сказала Мэй. – Занятий со мной больше не будет...

Ночная Тишь недоуменно изогнул бровь:

– То есть как это не будет? Аннар сказал, что...

– ...что леном Атерн после нашего ухода будешь управлять ты. Я не возражаю – управляй...

– Но я еще почти ничего не умею!

От Мэйнарии повеяло ледяным холодом.

– Если род не захочет оплатить тебе услуги хорошего наставника, то это сделает мой муж. Или мой опекун...

...Свитки и писчие принадлежности Унгар собирал минут пять. И, как мне показалось, ждал, что к двери его проводит Мэй. Ага, как бы не так – как только моя жена озвучила свое решение, я поднялся с кровати и закрыл супругу спиной.

Намек получился прозрачнее некуда. И парень был вынужден удалиться.

Закрыв дверь на засов, я подошел к своей Половинке, обнял ее за талию, заглянул в глаза и тихонечко поинтересовался:

– Почему?

– Он смотрит на меня как на женщину... – криво усмехнулась Мэй. – И думает совсем не о цифрах...

Ее ощущения настолько точно совпадали с моими, что я сжал зубы и заиграл желваками.

– Не волнуйся... – поняв, чего я опасюсь, пообещала она. – Я не отойду от тебя ни на шаг...

Глава 8

Король Неддар Третий Латирдан

Пятый день третьей десятины второго травника

Танцевала графиня Ялира бесподобно – каждое ее движение было таким же своевременным, безжалостным и смертоносным, как атаки Мастера Меча. Только вот ранило не тело, а душу. Например, переход от Свечи на Ветру к Полету Журавля⁷² приковывал взгляд к крутой линии бедра, на мгновение прорисовывающейся под тканью платья, Поклон на Полдень заставлял смотреть во внезапно углубляющееся декольте, а самый обычный поворот головы во время Прощания с Заходящим Солнцем вызывал желание прикоснуться к белоснежной шее губами.

Кстати, так же, как и Мастер Меча, Тьюварр атаковала не только танцую⁷³ – искусно подобранные притирания⁷⁴ придавали ее лицу томную белизну, ресницам и бровям – загадочную черноту, а губам – волнующую полноту и яркость, что вместе с потрясающе красивым платьем радовало взор. Дорогие благовония, навевающие мысли о греховной страсти, волновали обоняние. А легкая хрипотца, расчетливо подпущенная в голос, услаждала слух.

И тему для разговора Ялира тоже выбрала не просто так – Уламор Черный Локон жил и творил в эпоху Симайра второго, Хромца, а в то время большинство поэтов Белогорья воспевали не любовь и верность до последнего вздоха, а пламенную и неудержимую страсть, не признающую ни правил, ни границ. Поэтому его баллады должны были послужить хорошим мостиком, позволяющим плавно перейти к стихам Гайвара Медовоокого или Эренила Жеребца.

Послужили. Мостиком. Но не к стихам, а к рисункам Олли Ветерка к свитку «Тайны дворцовых альковов» – в какой-то момент графиня Тьюварр вдруг поинтересовалась, помнит ли он, король, «чарующие строки, которые барон Марен посвятил прекрасной незнакомке», затем, не прекращая двигаться в танце, чуть заметно прогнулась в спине, всплеснула руками – и перед внутренним взором Неддара появился рисунок, изображенный на серебряном поле⁷⁵ второй главы.

Текст «чарующих строк» вспомнился позже. Когда удалось выбросить из головы мечтательный взгляд юноши, стоящего у окна и вглядывающегося в иссеченную струями дождя крепостную стену и начать нормально соображать.

«Жизнь, прожитая мной, ничто по сравнению с кратким мигом безумного, ни с чем не сравнимого счастья, подаренного мне Богами! Один-единственный взгляд и тень улыбки, коснувшаяся ваших губ, будут жить во мне вечно...»

– Помню, конечно... – кивнул Латирдан и мысленно усмехнулся: леди Ялира снова атаковала. Снова прикрывая настоящие удары обманными.

– Если мимолетная встреча в коридорах королевского дворца может вызвать такую бурю чувств, то как на вас, мужчин, подействует *прикосновение*?

«Прикосновение» – глава все того же трактата – рассказывала о случайном прикосновении рук главных героев на королевском балу. И о мечтах, возникших у барона Марена и графини Элишиары после этого судьбоносного события.

⁷² Названия фигур местного танца.

⁷³ Игра слов. Танец – это, кроме всего прочего, и комплекс формальных упражнений в школе Ветра.

⁷⁴ Притирания – местное название косметики.

⁷⁵ Серебряное поле – местное название места для иллюстраций.

По сути, ничего особенного в их грезах не было: первый – восторженный юнец, только-только вырвавшийся из родового замка в Большую Жизнь, представлял себе следующий бал, во время которого их руки соприкоснутся еще раз, и предвкушал этот счастливый миг. Вторая – взрослая, исполненная опыта женщина – заново переживала восторженный взгляд мальчишки и с грустью вспоминала свою молодость. Но леди Ялира явно рассчитывала использовать в своих целях не их мечты, а рисунок: на серебряном поле третьей главы была изображена обнаженная женщина, сидящая перед зеркалом и задумчиво глядящая в свое отражение.

Еле намеченные серыми штрихами хрупкие плечи, узкая талия, широкие бедра, ямочки на пояснице и вертикальная полоска между круглых, чуть полноватых ягодиц задерживали взгляд читателя только на мгновение. Ибо были лишь фоном. Зато с любовью нарисованное Ветерком усталое, чуть расстроенное лицо с потеками сурьмы на скулах, алые губы и тяжелая грудь с торчащими сосками настолько сильно дышали чувственностью и страстью, что заставляли их желать!

...Следующую фигуру танца, Поворот Посолонь, графиня Тьюварр сделала перед зеркалом. И, оказавшись спиной к королю, на одно коротенькое мгновение замерла в том же положении, что и леди Элишиара. Выражение лица, поворот головы, взгляд – образ, нарисованный ею, был идеальным! Но вместо желания вызвал в Неддаре желание наплевать на все договоренности с членами Внутреннего Круга и уйти с бала прежде, чем его охмурят.

«Я не хочу делать вид, что заинтересован! – мысленно взвыл он, глядя на заканчивающую поворот графиню. – И давать ей надежду тоже не хочу!!!»

Увы, этот вопль так и остался воплем – когда леди Ялира заглянула в его глаза и закусила губку так, как было изображено в иллюстрации к пятой главе, Латирдан сделал вид, что понимает намек и представляет себя на месте барона Марена.

Тьюварр поощрительно взмахнула ресницами и чуть заметно свела плечи. Чтобы ему, Неддару, было лучше видно то место над правым соском, куда в свитке пришелся первый поцелуй главного героя...

Король прикипел взглядом к светло-розовому полукружью, на миг показавшемуся из-под края декольте, сглотнул и... ушел в недавнее прошлое:

– ...В общем, недовольство дворянства становится все заметнее, и если ничего не предпринимать, то в ближайшем будущем выльется в серьезную проблему...

– В начале третьего жолтеня я женился. Не на хейсарке! – напомнил Неддар. – Неужели эта свадьба не заткнет недовольных?

– Не заткнет, сир! – оторвавшись от созерцания собственных ногтей, буркнул барон Дамир. – Позволю себе повторить еще раз: охраняют вас только хейсары, в ваши покои входят только хейсарки, а единственное место, где вы бываете, кроме столицы, – Шаргайл! Ансельм знает, куда бить. Поэтому, если вы в ближайшее время не докажете, что относитесь к вейнарцам так же, как ваш покойный отец, то у слуха о том, что вы – подменыши, найдутся доказательства...

– В моем Внутреннем Круге – три вейнарца и всего один хейсар... – глухо сказал король. – Моя невеста – вейнарка! Хранитель моей опочивальни – вейнарец!!!

– Вас не было в Авероне две с лишним десятины, сир! Где вы были?

– В Шаргайле...

– А куда вы отправитесь в начале третьего лиственя?

– Ладно, я понял... Что вы предлагаете?

– Для начала – устройте пяток балов... – подал голос Генор д'Молт. – Причем на этих балах вам придется делать вид, что вы вот-вот определитесь с фавориткой...

– Да, но я...

– Они правы, ашер... – криво усмехнулся Белая Смерть. – Если ты проявишь интерес к двум-трем соперничающим красавицам, то вспыхнувшая между ними война породит такое

количество разнообразных слухов, что на время заставит забыть про бред, распространяемый братьями во Свете, даже самых заинтересованных лиц.

– Забыть не заставит... – поправил его барон Дамир. – Просто на какое-то время сделает этот слух неинтересным. И даст нам время на следующие шаги...

– Следующие?

– Мы считаем, что выехать в Шаргайл вам надо дней на пять раньше, чем вы собирались, сир! – подал голос Упрямец⁷⁶. – И хотим объявить, что вы отправляетесь в графство Рендалл, дабы помочь наследникам Грасса вступить во владение леном...

– Пара дней в Меллоре, день в Атерне, день в Геррене – и вы покроете сразу двух кобылиц...⁷⁷ – буркнул Дамир Кейвази. – Продемонстрируете свое уважение к человеку, отдавшему за вас жизнь, и проявите интерес к тому, как живут ваши вассалы...

– Разумно... – согласился король. – Может, тогда захватить еще и в Увераиш?

– В Увераиш не стоит, ашер! – вскинулся Арзай. – Расследование гибели главы Гильдии Охранников и его сестры еще не закончено, поэтому ваше появление в родовом замке графа Ильмара выведет из себя и Голонов, и их родственников...

– Угу... Согласен... Со всем, даже с балами...

– Учитите, сир, ваш интерес к «будущим фавориткам» должен быть не наигранным! – без тени улыбки сказал барон Дамир. – Слухи, распространяемые братьями во Свете, только кажутся безобидными, а вы несете ответственность за весь Вейнар. Поэтому делайте все, что угодно, но заставьте двор поверить в начинающееся увлечение...

– ?!

– Я не оговорился, сир! – глядя Неддару в глаза, твердо сказал казначей. – Если потребуется, заведите любовницу или двух. А насчет реакции Этериш не беспокойтесь: моя дочь далеко не дура и поймет, что это было необходимо...

...Прикосновение бедра леди Ялиры, «случайно перепутавшей шаг», к чреслам Неддара заставило его на время отвлечься от мыслей о проблемах и вдуматься в очередной намек. Благо сопровождавший касание взгляд графини не оставил простора для фантазии:

«Десятая глава... Шестое свидание... «Игра на тростниковой дудочке»... Ого!!!»

От мысли о том, что предлагала ему графиня Тьюварр, Неддару стало жарко, а перед глазами сама собой появилась и иллюстрация. Только вот вглядываться в нее он не стал – скользнул взглядом по губам прелестницы, как раз замершей в очередной фигуре, «заинтересованно» прищурился и с облегчением понял, что музыканты доигрывают финал!

– Жаль, что танец такой короткий, сир... – присев в реверансе, хрипло выдохнула леди Ялира. – Вы – неподходящий партнер, и следовать за вами – одно удовольствие...

– Мы еще потанцуем... И не раз... – намеренно глядя не в глаза графини, а на ее грудь, пообещал Неддар. И двусмысленно добавил: – Надеюсь, к обоюдному удовольствию...

– Всегда к вашим услугам, сир... – улыбнулась Тьюварр. И облизнула «пересохшие» губы...

...Несмотря на формальное разрешение, полученное от будущего тестя, заводить себе фавориток Неддар не планировал. Поэтому собирался сделать вид, что колеблется, пытаясь выбрать между графиней Ялирой Тьюварр, младшей дочерью Тимора Пустобреха⁷⁸ Сейсилией и сестрой графа Этрана⁷⁹ Камалией. Никаких проблем с этим не было – первым партию для танца по традиции выбирал король, а во время коротенькой паузы, предназначенной для этого,

⁷⁶ Камерарий короля, граф Комес д'Оллиер, барон д'Ож.

⁷⁷ Покорить сразу двух кобылиц – убить двух зайцев.

⁷⁸ Барон Тимор Фаррат.

⁷⁹ Граф Этран Ларвен.

все девицы на выданье, находящиеся в зале, усиленно отваживали от себя кавалеров и с надеждой поглядывали на Неддара.

С большим трудом заставив себя пройти мимо пустующего трона, Неддар задумчиво поскреб бородку и решительно направился к Сейсилие, стоящей в компании отца и братьев.

Торжествующий взгляд, который та бросила на «брошенную» Тьюварр, мог воспламенить трут. Или вбить в землю небольшой валун:

«Видишь, ярка, ты ему не подошла!! Он выбрал меня, а я своего не упущу!»

Впрочем, бросаться навстречу королю графиня не стала – дождалась, пока он подойдет и озвучит формальное приглашение, несколько мгновений наслаждалась возможностью сказать «нет», а потом вдруг по-белогорски выставила правый локоть!

Латирдан мысленно хмыкнул, подхватил ее под руку и, делая вид, что наслаждается прикосновениями к нежной и чуть прохладной коже, повел ее в центр зала. При этом искоса поглядывая в зеркала, в которых отражались лица обеих «фавориток».

Д'Ларвен перекосило. А вот леди Ялина отреагировала на поступок дю'Фаррат весьма своеобразно – легонечко повела плечами и вздернула подбородок, выставя грудь в выгодном свете. А потом презрительно усмехнулась.

Да, довод был весомый. Как в прямом, так и в переносном смысле. И если бы леди Сейсилие его заметила, то наверняка пошла бы красными пятнами – чем-чем, а объемом этой части тела Тьюварр превосходила ее как минимум вдвое.

«Зато у дю'Фаррат намного более симпатичное лицо. И потрясающе красивые плечи...» – мысленно отметил Латирдан, дождался, пока заиграет музыка, и привычно сделал первый шаг...

...Танцевала леди Сейсилие неважно. Поэтому перед каждой демонстрацией своих прелестей надолго задумывалась, пытаясь заранее представить себе ту последовательность движений, которая не только приведет ее к нужной фигуре, но и не выставит неумехой перед соперницами. Само собой, времени на общение оставалось сравнительно немного, чем с удовольствием и пользовался Латирдан – вспоминал последний Совет и пытался представить, как отреагировал бы на последние новости граф Рендалл Грасс.

– На первый взгляд задуманное осуществлено безупречно... – поигрывая мятым и запачканным чернилами свитком, докладывал Арзай. – За вчерашний и позавчерашний день мои люди захватили восемь Гласов Вседержителя, одиннадцать Перстов и почти сотню братьев-клинков, включая тех, которых Орден внедрил в гильдию Охранников. Таким образом, на сегодняшний день в Вейнаре не осталось ни одной действующей Обители. Но это только на первый взгляд – среди пленных нет ни одного брата-надзирающего. Так что восполнить потерю брата Годрима нам нечем...

– Как я понимаю, вытребовать в Аверон еще одного мы не можем? – грустно пошутил Латирдан.

– Брат Годрим, скорее всего, ушел в Скар... – угрюмо буркнул Белая Смерть. – Обителей там хватает. Значит, не сегодня-завтра Ансельм узнает, что сообщения брата Растана пишутся в Тайной Службе...

– М-да-а-а... – откинувшись на спинку трона, расстроено протянул Латирдан. – Потеряли та-а-акую возможность...

«Хм... А почему «потеряли»? – задумчиво проводив взглядом взметнувшиеся во время Поворота Посолонь локоны леди Сейсилие, мысленно воскликнул Неддар. – В Ордене надзирающих хватает! Нам надо просто пойти и взять!»

Идея, пришедшая королю в голову, была в лучших традициях графа Рендалла. Значит, и воплощать ее в жизнь требовалось так, как сделал бы Грасс – вдумчиво, учитывая все возможные мелочи и... с размахом:

«Допросить пленных братьев во Свете! Выяснить, в какой Обители наибольшее количество братьев-надзирающих... Нет, не так – в какой Обители их обучают, затем отправить туда пару десятков подготовленных воинов и выкрасть всех до единого!»

– Сир, вы не поделитесь со мной своей радостью?! – на миг замерев рядом с Неддаром, с улыбкой поинтересовалась дю’Фаррат. – Я очень хочу научиться делать вас счастливым...

«Я придумал, как возместить невосполнимую потерю!» – мысленно воскликнул король. А вслух, само собой, сказал совсем другое:

– Я вдруг подумал, что балы – весьма неплохая вещь. И решил, что буду устраивать их почаще!

– Ой, правда?! Здорово!!! А когда следующий?

– Через два дня...

– Так быстро? Я же не успею пошить новое платье!!!

Неддару стало смешно: пытаясь найти наилучшую частоту проведения балов, его Внутренний Круг учел все, что угодно, кроме реакции женщин!

– Открою страшную тайну! – грозно нахмурив брови и вперив взгляд в переносицу дю’Фаррат, зловещим голосом сказал он. Потом сделал довольно продолжительную паузу и рассмеялся: – Мужчины смотрят не на платья, а на их содержимое!

– Ну, я же не могу танцевать с вами в одном... содержимом?! – хихикнула девушка. А через мгновение мило покраснела: – Хотя... если вокруг не будет совсем никого... то я, пожалуй, соглашусь!

– Заманчивое предложение... – сделав вид, что представляет эту картину, выдохнул Латирдан. – Осталось решить, когда и где...

...Весь следующий танец король ощущал себя осажденной крепостью – вместо того, чтобы продемонстрировать свою внешность, графиня Камалия д’Ларвен попыталась доказать Неддару силу ума и широту кругозора, рассуждая о политике. Первые несколько минут утверждения вроде «Вейнар – самое сильное королевство на всем Горготе» или «Стоит вам захватить Белогорье – и все остальные соседи преклонят перед Вейнаром колени» было смешно. Потом глупости начали раздражать. А когда графиня посетовала на то, что «величайший полководец всех времен и народов» непонятно зачем вернул Алату Карс, монарх слегка разозлился. И попытался перевести тему на что-нибудь другое.

Говорить о следующем бале девушка не захотела. И о своих соперницах – тоже: воинственно тряхнула волосами и поинтересовалась, когда он, Неддар, вернет королевству все то, что принадлежит ему по праву.

– По какому такому праву? – удивился король.

– Конечно, по праву сильного, сир!

– Война – это неподъемный гнет для экономики. И тысячи смертей... – попробовал было образумить ее Неддар.

Как бы не так – девушка задрала прелестный носик чуть ли не к потолку и процитировала начало пятого Слова из свитка Игенора Мудрого «О Власти и обо всем, что ждет на пути к ней»:

– Платят – побежденные!

Потом вспомнила о второй половине фразы Латирдана и явно подсмотренным у кого-то жестом прикоснулась к своему животу:

– Я рожу вам столько сыновей, сколько потребуется!

То, что денег стоит даже победоносная война, король объяснять не стал. Точно так же, как ни словом не заикнулся о том, что новорожденный становится воином в лучшем случае через шестнадцать-восемнадцать листовеней, а погибнуть может в первом же бою: в этом не было смысла, так как д’Ларвен слышала только себя одну и не собиралась вдумываться в чужое мнение.

Реагировать на ее предложение родить ему сыновей Неддар тоже не захотел – любой ответ на него вышел бы за грань обычного флирта. Поэтому он совсем уж было решил отвести ее обратно к отцу, но поймал укоризненный взгляд барона Дамира Кейвази и решил не торопиться. А потом вдруг задумался о том, что успел сделать казначей для королевства.

Прежде чем озвучить последнюю новость, Арзай зачем-то разгладил ладонью многострадальный свиток, а затем взял и разорвал его на кусочки:

– Боюсь, ашер, войны между Белогорьем и Алатам не будет: ал'Арради⁸⁰ не смог договориться с купцами, и у него нет денег даже на то, чтобы платить мечевые⁸¹ своим собственным солдатам...

– Отдаст Белоголовому Зерави и утрется... – мрачно буркнул Упрямец.

– Деньги у Величайшего уже появились, так что война будет... – неожиданно для всех остальных воскликнул казначей. – А вот обойдется она ему ой как дорого...

– Ты в этом уверен? – недоверчиво прищурился Латирдан.

– Более чем, Ваше Величество! – ухмыльнулся барон Кейвази. – Те четверо суток, которые по моей просьбе шла торговля между ал'Арради и представителями купеческих домов Алата, позволили утроить сумму, которую Величайший должен заплатить за ссуду...

– О как! – восхитился Генор. – Вы решили утяжелить бремя их войны?

– Я решил, что эта война – отличный способ подзаработать...

– То есть ссуда, полученная Раксизом, выдана из вашего кармана? – ошалело спросил Упрямец.

– Не из моего, а из казны. И под о-о-очень хорошие гарантии...

Неддар восхитился:

– А на Белогорье мы случайно ничего не зарабатываем?

– Зарабатываем. Но раз в пять меньше, чем на Алатам...

– Я не верю своим ушам... – потряс головой Белая Смерть.

– Могу показать расписки...

– Неужели мои суждения настолько неожиданны, что вы, сир, не можете решить, как к ним отнестись? – устав от паузы, с легкой обидой в голосе поинтересовалась леди Камалия.

– Если что-то делать – то делать хорошо... – стараясь, чтобы в его голосе не было слышно издевки, ответил Неддар. – Поэтому я стараюсь добросовестно обдумывать каждую поданную мне идею...

Потом «с интересом» оглядел леди Камалию с ног до головы и улыбнулся, представив себе будущие слухи:

– Ваши суждения требуют детального осмысления. И... пожалуй, из вас может получиться прекрасная мать...

⁸⁰ Раксиз ал'Арради Величайший, король Алата.

⁸¹ Мечевые – местный аналог «боевых».

Глава 9

Баронесса Мэйнария д'Атерн

Шестой день третьей десятины второго травника

...К моменту, когда мы вышли из бани, туман, укутавший Шаргайл, стал еще гуще. Увей, по своему обыкновению спустившийся во двор, чтобы попрощаться с баас'ори'те, предложил нам остаться и переночевать в обставленном для нас рейро, но Кром почему-то отказался. И, кивнув нашим тэнгэ⁸², вышел на улицу. Мы с леди Этерией торопливо рванули следом и, выбежав из ворот, облегченно перевели дух – растворившийся было в сером мареве Меченый стоял и вслушивался в тишину.

«Что, опять?!» – раздраженно подумала я и завертела головой, пытаюсь обнаружить Ночную Тишь. Но увидела лишь уплотняющиеся силуэты Хасии и Шарати.

– Пошли... – угрюмо буркнул Кром, поудобнее перехватил Посох Тьмы и уверенно двинулся в никуда. Довольно медленно – видимо, чтобы я успела занять место за его левым плечом.

Откровенно говоря, если бы он дал мне руку, я бы чувствовала себя увереннее – образы, рождающиеся на зыбкой границе Света и Тьмы, слегка пугали. И заставляли складывать пальцы в «зубило»⁸³:

– ...Ты – женищина. Маленькая, слабая и легкая. Значит, практически в любой ситуации у тебя будет время всего на одно движение... – споткнувшись на слове «будет», негромко сказал Кром.

Промелькнувшая перед моими глазами череда лиц – лесовика, тюремщика Зиги⁸⁴ и моего несостоявшегося убийцы – заставила меня поежиться:

– Угу...

Кром почувствовал, о чем я думаю, но прерывать объяснения не стал:

– Значит, это движение должно быть быстрым, сильным и своевременным, ибо удар, нанесенный чуть раньше или чуть позже необходимого, убивает не врага, а тебя...⁸⁵

Это изречение я слышала, причем не раз и не два, поэтому кивнула:

– Понимаю...

– Времени у нас немного... – опустив взгляд, выдохнул он. – Поэтому тратить его на отработку силы и скорости нескольких ударов мы не будем. Ограничимся одним-единственным. Но прежде чем я покажу тебе, каким именно, хочу обратить твое внимание на слово «своевременный»...

– Когда отец тренировал Теобальда и Волода...

– Они – мужчины, а нас обычно просто убивают. С вами, женищинами, сложнее – вас или похищают, или ссильничают... – перебил меня Кром. – Этой «небольшой» разницей в поведении противников можно воспользоваться. Если знать, как...

...Первые несколько минут пути я пыталась успокоиться, прислушиваясь к жжению в костяшках пальцев, ободранных о мешок с песком и щедро смазанных лечебной мазью. А потом наконец сообразила, что в шаге от меня идет один из лучших воинов Шаргайла и, что бы там ни пряталось в окружающем нас мареве, он меня защитит.

⁸² Тэнгэ – тень (хейсарск.). Спутники почетного гостя.

⁸³ Зубило – местное название «медвежьей лапы». Или, по терминологии карате, «кумадэ».

⁸⁴ Описано во второй книге.

⁸⁵ Одна из основных заповедей местного Пути Меча: «Делай вовремя. Ибо удар, нанесенный чуть раньше или чуть позже, убивает не врага, а тебя...»

Когда сквозь серую пелену протаяли стены сарги Аттарков, я настолько осмелела, что начала прислушиваться к щебетанию Шарати. И вскоре сообразила, что младшая тэнгэ, откуда-то узнавшая о переживаниях Ситы, спит и видит себя ори'дarr'иарой!⁸⁶

– Женщина должна дарить жизнь... – замедлив шаг, чтобы поравняться с дурехой, сказала я. – А славу пусть ищут мужчины...

– Кто бы говорил, ашиара! – девочка с вызовом посмотрела на меня. – Тебя знает весь Горгот!

То, что я, не думая ни мгновения, обменяла бы эту «славу» на лишний год жизни с Кромом, я говорить не стала – прибавила шагу, заняла свое место за плечом мужа, следом за ним вошла в калитку, предупредительно распахнутую часовым, и, унюхав аромат жарящегося мяса, поняла, что проголодалась.

Прикоснулась к руке Меченого, требовательно потянула за рукав араллуха и недовольно нахмурилась – прямо перед нами туман сгустился в фигуру Сломанного Шипа:

– Баас'ори'те? Аннар просит тебя подняться в зал Совета...

– Я тебя услышал... – негромко буркнул Кром и, жестом приказав мне следовать за ним, двинулся к высокой двери.

Мысленно хихикнув – вести себя так, как полагается хейсару, у мужа получалось все лучше и лучше, – я засеменила следом. И подала голос только тогда, когда увидела дверь в нашу комнату:

– Мне ждать тебя в рейро?

– Нет, ты идешь со мной!

Давир, тенью следовавший за нами, недовольно нахмурился. Но напоминать о том, что Тарваз приказал ему позвать одного Крома, побоялся. Видимо, уже наслышался, что Кром не отпускает меня от себя ни на шаг. И не изменяет этому правилу даже в бане – дожидается, пока освободится мужская половина, заводит меня туда и закрывает дверь...

...Каменная Длань моему появлению не обрадовался: заиграл желваками и гневно посмотрел на сына:

– Я сказал, что хочу видеть баас'ори'те!!!

– У меня нет тайн ни от жены, ни от гард'эйт... – холодно процедил Меченый. – Я тебя слушаю, ро'шер!⁸⁷

Аннар вспыхнул, как пересушенный трут: в первый раз с момента объявления шшат'или Занатара Седобородого Кром дал понять, что понимает свое место в иерархии рода.

Ударов десять сердца я думала, что ничем хорошим это не закончится. Но ошиблась – Каменная Длань все-таки взял себя в руки, жестом приказал сыну удалиться и, дождавшись хлопка закрывшейся двери, угрюмо уставился на Крома:

– Ты был в своем праве... Извини... Я просто расстроился, когда узнал, что ты отказался брать Унгара в ученики...

Обсуждать причины своего решения стоя мой муж не захотел – прошел к столу, отодвинул от него два стула, сел сам, удостоверился, что села я, и только тогда заговорил:

– Один ученик из рода Аттарк у меня уже есть. Если я возьму второго, то на следующий день мне придется тренировать не два, а четыре десятка человек...

Я мысленно хихикнула: объяснение было логичным, красивым, но... пустым. Ибо настоящая причина крылась не в этом!

– Уресс – айти'ар! А ты тренируешь воинов. Значит, он не в счет...

– Он – Аттарк! Да еще и первой крови... – усмехнулся Кром. – Этого достаточно...

⁸⁶ Ори'дarr'иара – дословно «воин в теле женщины».

⁸⁷ Ро'шер – дословно «младший брат».

Дураком Тарваз не был. Поэтому решил вынудить Меченого раскрыть истинные причины отказа:

– Что ж, тогда тренируй Унгара вместо Уресса...

– Я УЖЕ взял твоего младшего сына в ученики... Ты предлагаешь мне нарушить данное слово?

Анна разозлился. Кажется, очень – скрипнул зубами и сжал правый кулак так, что побелели пальцы:

– Нет, не предлагаю! Просто пытаюсь понять, как связаны между собой два твоих решения. И чем для меня и рода может обернуться третье...

«Первое – запрет Унгару учиться у меня управлять леном. Второй – отказ ему в праве стать учеником...» – подумала я и прикоснулась к бедру Крома, чтобы попытаться почувствовать его эмоции.

Почувствовала. И похолодела: в нем пробудилась Тьма. Та самая, которую считали союзником Двуликого.

– Что ж, объясню! Если Унгар еще раз подойдет к Мэйнарии ближе чем на два шага, я вызову его на поединок. И убью как бешеную собаку...

– Что?!

– Твой сын смотрит на мою жену как на СВОЮ женщину! Если не хочешь его потерять, то найди ему дело ЗА ПРЕДЕЛАМИ сарти...

...Я лежала на кровати лицом вниз и завидовала самой себе: обычно твердые, как стальные прутья, и цепкие, как тиски, пальцы мужа дарили мне воистину безумное наслаждение. Ноющая боль и усталость, сковывавшие мышцы, измученные многократными повторениями одного и того же движения, постепенно уходили, уступая место сладкой, как мед, неге.

Шевелиться не хотелось. Думать – тоже: единственное, о чем я могла размышлять, – это чтобы меросс⁸⁸ не прекращался никогда. Хотя... нет, не единственное: где-то далеко-далеко, на самом краю сознания, изредка мелькала еще одна мысль. Вернее, желание воздать за подаренное удовольствие. Тем же.

«Вот сейчас он закончит с ногами – и я скажу, что теперь моя очередь. И тоже разомну ему плечи...»

Как говорил Игенор Мудрый, «намерения хороши лишь в том случае, если порождают действие» – когда пальцы Крома добрались до верхней части моих бедер, я поняла, что сделать меросс не смогу, так как воздам за полученное удовольствие по-другому. И легонечко прогнулась в пояснице.

Руки мужа дрогнули. Самую малость. А потом как ни в чем не бывало продолжили ослаблять мои измученные ноги.

Я шевельнула тазом вправо-влево и слегка развела колени.

Ритм меросса не изменился. Но в нем появились новые грани: сначала пальцы Крома размяли внутренние поверхности бедер, двигаясь не сверху вниз, а наоборот, потом прошлись по ягодицам, не проминая, а лаская, и наконец, словно случайно, легонечко прикоснулись к лону. У меня тут же закружилась голова, а в животе затлела маленькая, но до безумия яркая искорка.

– Я тебя хочу... – выдохнула я, переворачиваясь на спину. И тут же утонула в расширенных от желания глазах мужа.

Мои руки сами собой обвили вокруг его шеи, колени раздвинулись, а искорка в животе превратилась в пылающий костер.

⁸⁸ Меросс – вейнарское название массажа.

Рука Крома уперлась в кровать рядом с моим плечом, твердый, как доска, живот коснулся бедра, а горячие, как угли, губы нежно поцеловали в правую грудь.

Я застонала от удовольствия. И потянула его на себя:

– Я тебя хочу, слышишь?!

Услышал. Посмотрел на меня пьяным от страсти взглядом. И сдался...

...Касание Эйдилии оказалось сильным до безумия: череда ослепительно-ярких вспышек, сотрясавшая мое тело и раз за разом сжигавшая в пепел душу, напрочь лишила меня способности соображать и вознесла на самый пик ярчайшего, ни с чем не сравнимого счастья.

Сколько времени на меня смотрела Богиня – не знаю. Но когда она отвела от меня взгляд, я почувствовала, что умерла: мир стал бесцветным и каким-то пустым, а способность ощущать эмоции Крома, давно ставшая неотъемлемой частью моего «я», вдруг куда-то исчезла!

Если бы не страх, что это навсегда, я бы, наверное, не смогла себя заставить не то что повернуть голову вправо, где, по моим представлениям, должен был лежать муж, но и просто открыть глаза – мое тело было настолько слабым, что казалось чужим!

Заставила. Кое-как сфокусировала взгляд на лице Крома – перед глазами все еще мельтешили яркие пятна, – увидела капельки пота, серебриющиеся на его лбу и крыльях носа, затем играющую на губах счастливую улыбку и настолько сильно захотела почувствовать эмоции своего мужа, что шевельнула пальцами и дотронулась до его предплечья.

О-о-о, как ему было хорошо – шквал хлынувших в меня ощущений вновь вернул миру цвета и заставил Эйдилию кинуть на меня еще один взгляд. На этот раз, кажется, удивленный...

– Я тебя люблю... – с трудом пошевелив непослушными губами, выдохнула я. И, не столько увидев, сколько почувствовав, что он переворачивается на бок и тянет ко мне руку, вдруг поняла, что, если он дотронется до моей груди или до лона, я умру на месте от остроты ощущений!

Прикоснулся. К предплечью. Потом нежно поцеловал меня в щеку. И улыбнулся. Так, что мое сердце, и без того пытавшееся проломить грудную клетку и вырваться на свободу, заколотилось вдвое быстрее.

– Я тебя тоже...

Следующее прикосновение – кончиком пальца к моим губам – и последовавший за ним вопрос вернули мне способность чувствовать свое тело.

– Воды принести?

Пить хотелось. И очень сильно – у меня, оказывается, пересохли не только губы, но и горло, небо и даже язык!

– Если тебя не затруднит... – виновато сказала я: если Эйдилия смотрела на Крома так же, как и на меня, то он должен был чувствовать нешуточную слабость в коленях!

Встал. Дошел до стола, ни разу не потеряв равновесие. Наполнил первый попавшийся под руку кубок водой из кувшина и повернулся ко мне.

Я оглядела мужа с ног до головы, почувствовала, что внизу живота снова загорается пламя, и поняла, что схожу с ума: жаждать ласки, будучи не в состоянии пошевелиться, было самым настоящим сумасшествием!

Скрипнула постель, зашуршала сминаемая локтем Крома подушка, а через мгновение моих губ коснулся край кубка.

– Пей... Только осторожно...

У меня екнуло сердце: он заботился обо мне так, как будто я была величайшим сокровищем на всем Горготе. Впрочем, почему «как будто»? Для него я была именно им...

...Эдак через полчаса, когда я нашла в себе силы, чтобы встать и приготовить свежий отвар ясноцвета, а Кром перестелил постель и, попросив закрыть за собой дверь, ушел за водой, я вдруг почувствовала себя одинокой. Поэтому завернулась в простыню, подошла к окну-бойнице и выглянула наружу.

Факел, горящий рядом с воротами, освещал лишь закрытые на ночь створки, боковые стены конюшни и гостевой пристройки и небольшой участок земли перед высокой дверью. А все остальное пряталось в густой, как патока, тьме.

Где-то в стороне Подворья Илгизов лениво брехали собаки, а тут, на Полуночном конце Шаргайла, ночную тишину нарушал лишь стрекот цикад да теньканье пересмешника⁸⁹. Впрочем, стоило Крому выскользнуть во двор, как с надвратной башни раздался язвительный смешок часового:

– Пение твоей женщины делает ночь ярче, но удлиняет смену...⁹⁰

– «Взмах Крыла» под подбородок дарит благословенную тьму и укорачивает не только смену, но и слишком длинный язык... – в унисон ему отозвался Меченый.

– Тэнто!⁹¹ – хмыкнул хейсар, увидел, что Кром остановился, и торопливо добавил: – Я хотел сказать, что твои слова можно увидеть. И принести извинения за неудачную шутку...

– Я тебя услышал... – негромко буркнул мой муж и скрылся за углом сарти.

Я прикоснулась тыльной стороной ладони к пылающей щеке, а затем гордо вскинула голову: стонала? Ну и ладно: кому не нравится – пусть не слушает!

Тем временем во двор выскользнула еще одна тень. И тоже удостоилась внимания часового:

– Унгар, ты?

– Угу...

– И куда ты собрался?

– На охоту...

– В ночь?!

Вместо ответа Ночная Тишь сорвался на бег, в два огромных прыжка добрался до боевого хода, птицей взлетел на стену и, протиснувшись между зубцов, исчез...

«Мое «пение» – страшная вещь... – покраснев еще гуще, подумала я. – Кому-то удлиняет смену, а кого-то выводит из себя, из сарти и из Шаргайла...»

⁸⁹ Пересмешник – местное название соловья.

⁹⁰ Смена – два часа. Временной промежуток, который часовые проводят на посту.

⁹¹ При желании это слово можно расценить как «сказочник».

Глава 10

Бельвард из Увераша

Восьмой день третьей десятины второго травника

...Сухое, скуластое лицо с бесцветными глазами, прячущимися под густыми бровями, нос, сломанный как минимум два раза, гладко выскобленный подбородок, украшенный парой белесых шрамов, усики «щеточкой», прикрывающие «заячью губу», короткие, крайне неровно подстриженные волосы, левое ухо, лишившееся мочки явно не во время дружеской попойки, – если мужчина, глядящий на Бельварда без тени подобострастия, и походил на кота, то только на дворового. Дерущего всех и вся. И живущего от драки и до драки.

Что интересно, желания помериться силами он не вызывал – во-первых, был невысок, кривоног и узок в плечах, поэтому выглядел кем угодно, только не соперником, а во-вторых, был настолько пластичным и жилистым, что заставлял задуматься о цене возможной победы.

«Опасен, как целая пятерка Серых!» – оценив внешность гостя, подумал Бельвард. И, прищурившись, уставился на руки Ормана, пытаясь углядеть если не сам перстень, то хотя бы незагорелую полоску на правом мизинце⁹².

Таковой не оказалось. Ни на правой руке, ни на левой. Зато сами руки, явно привычные не к перу, а к топору⁹³, заставили юношу увериться в первоначальной оценке гостя – Кот был воином. И воином не из последних.

Как разговаривать с вояками, пусть даже и отставными, Бельвард знал. Поэтому немигающим взглядом уставился Орману в переносицу и скомандовал:

– Говори!

Вытягиваться в струнку «воин» не стал. И сводить вместе пятки тоже – вальяжно заложил большие пальцы за пояс и неожиданно низким голосом сказал:

– Я представляю купеческий дом братьев Зарнади из Скара...⁹⁴

...Слушая Кота, Бельвард ломал голову, пытаясь понять, чем скарцы могли заинтересовать его маменьку, и не находил ни одной весомой причины: купеческий дом братьев Зарнади не входил в десятку самых известных торговых домов Норреда, не являлся поставщиком королевского двора Чейвара Громогласного⁹⁵, а патент, дающий право на ведение дел в Вейнаре, получил только в этом листвене! Да что там патент – вместо того, чтобы хоть что-то продавать, «торговый» дом собирался строить и содержать постоянные дворы. Причем самые обыкновенные и расположенные абы где: одиннадцать из четырнадцати заведений, уже имеющих у Зарнади, находились не в городах, а на трактах, а три оставшихся – рядом с родовыми замками владельцев не самых известных ленов Норреда...

«Зачем они ей? – думал он, глядя на воина, жестикулирующего, как заправский купец. – Да еще настолько, что она приказала сделать ВСЕ, что они попросят?»

Ответ не находился. Никакой. А Кот, словно не замечая того, что у Бельварда постепенно портится настроение, продолжал заливаться пересмешником – сначала крайне путано и многословно рассказывал об интересах своих хозяев, затем добрых минут десять сравнивал законы Норреда и всего остального Горгота, упирая на то, что в их королевстве зарабатывать деньги намного легче, чем где-нибудь еще, и перешел к делу только тогда, когда услышал повелительный рык:

⁹² Перстень на правом мизинце – отличительный знак глав городских братств Пепла.

⁹³ Местная поговорка.

⁹⁴ Скар – город на востоке Норреда, ближайший к границе с Вейнаром.

⁹⁵ Чейвар Громогласный – король Норреда.

– Достаточно! Что именно тебе от меня нужно?

– Леди Марзия, дай ей Вседержитель долгих лет жизни, разрешила мне выбрать любое место для двух постоянных дворов... – выделив интонацией слово «любое», сказал Кот, ничуть не испугавшийся его вспышки. И сокрушенно вздохнул: – Увы, оказалось, что эти места уже заняты: в Бочагах – жилым домом, а в Туманном Овраге – гончарной мастерской...

– И?

– Несмотря на то что предложенные нами суммы вдвое превышают стоимость и самих строений, и прилегающих к ним участков, их хозяева заупрямились – напрочь отказываются их продавать!

Бельвард пожал плечами:

– Предложите три цены... Или четыре... Если, конечно, вам нужны именно эти места!

Улыбка Кота превратилась в оскал:

– Зачем тратить лишнее, *ваша милость*? Услуга, которую мы оказали вашей маменьке, стоит НАМНОГО БОЛЬШЕ...

Юноша оказался на ногах чуть ли не раньше, чем сообразил, что это могла быть за услуга.

– Они согласятся! Даю Слово!!!

... Через два часа после выезда из родового замка Бельвард знал все, что Орман рассказал его матери. И даже больше. Поэтому пребывал в расстроенных чувствах: в отличие от своего двойника, владевшего посохом ничуть не лучше несмышленного ребенка, настоящий Бездушный был настоящим Мастером. Ибо умудрился справиться с десятком воинов, пытавшихся похитить жену побратима Неддара Латирдана. Причем сделал это в одиночку, ночью и на крошечной площадке Орлиного Гнезда рода Аттарков!

В том, что все десять воинов, павшие от руки Нелюдя, были подготовлены лучше некуда, юноша не сомневался – за этим похищением чувствовался след *государства*. А в тайных службах безруких обычно не держали.

«В каждом Бездушном живет частичка Двуликого... –

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.